

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
Ямало-Ненецкого автономного округа

Выпуск № 3 (84)

Материалы конференции
«Страницы истории Ямала в архивных документах»

Салехард

2014

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК Ямало-Ненецкого автономного округа № 3 (84)

Материалы конференции «Страницы истории Ямала в архивных документах», 25 сентября 2014 г. - Салехард, 2014-64 с.

Редакционная коллегия:

*Вороненко Александр Григорьевич –
заместитель директора по научно-исследовательской работе государственного казенного учреждения
Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», к.пед.н.*

*Харючи Галина Павловна –
заведующий сектором этнологии государственного казенного учреждения
Ямало-Ненецкого автономного округа
«Научный центр изучения Арктики», к.и.н.*

*Цымбалистенко Наталья Васильевна –
главный научный сотрудник сектора этнологии государственного казенного учреждения
Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», д.фил.н.*

*Фёдорова Наталья Викторовна –
заведующий сектором археологии государственного казенного учреждения
Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», к.и.н.*

*Головина Наталья Петровна –
руководитель службы по делам архивов Ямало-Ненецкого автономного округа*

ISBN 978-5-902067-64-2

© Государственное казённое учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики»

ЭТО ПОЧЕТНАЯ МИССИЯ АРХИВИСТОВ

Головина Н.П.

В 2014 году, в год гражданского единства в Ямало-Ненецком автономном округе, служба по делам архивов автономного округа отметила 80-летие со дня организации первого органа управления архивным делом на Ямале.

Архивы традиционно являются хранителями документальной памяти. Губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа Д.Н. Кобылкин в ежегодном докладе о положении дел в автономном округе отметил: «Участие каждого в сохранении памяти — дань уважения своей семье и своей стране». Жизнь семьи, ее общие взгляды отражаются в жизнеописании, в биографических данных ее представителей. Наиболее ярко это выражено у людей с активной жизненной позицией, внесших вклад в развитие той или иной территории страны. Именно поэтому служба по делам архивов Ямало-Ненецкого автономного округа особое внимание уделяет вопросам комплектования архивных учреждений округа фондами личного происхождения, формирование которых началось в 1970-е годы прошлого века. В таких фондах не только присутствуют личные фотографии и документы, в них сохранены факты исторических событий жизни и судьбы не только человека, но и региона, страны в целом. Незначительный на первый взгляд эпизод из жизни фондообразователя, отраженный в документе, порой освещает целый исторический период. Фонды личного происхождения хранят образцы письменной культуры — переписку, дневники, воспоминания, рукописи. В век информатизации документы, написанные рукой человека, стали любопытным свидетельством времени. Сохраненные в архиве, они дают возможность соприкоснуться с ушедшей эпохой. В целом, весь массив документальных свидетельств может дать исследователю бесценные данные для написания серьезных работ, основанных на подтвержденных фактах. В эти знаменательные для архивистов округа дни хотелось вспомнить пользователей, исследователей — людей, в жизни которых архив и архивные документы сыграли важную роль.

Основными исследователями являются представители науки: Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, Уральского института истории и археологии, Тюменского государственного университета, Тобольского государственного педагогического института имени Д.И. Менделеева: Е.А. Волжанина, Н.Б. Гусманова, Т.В. Копцева, Д.В. Кирилук, Ю.В. Костецкий, Н.Б. Патрикеев, Е.Л. Талигина, С.В. Туров, Г.П. Харючи и многие другие. Кроме того это известные доктора наук: Г.П. Визгалов, Е.М. Главацкая, А.В. Головнёв, А.Г. Еманов, Г.Е. Корнилов, И.И. Крупник, Е.В. Перевалова, В.П. Петрова, Н.А. Повод. Работа с архивными документами для них — значительная часть жизни, и каждая единица хранения рассматривается всесторонне и глубоко. Поэтапно, в ходе бережного и строгого анализа, систематизации выявленных сведений исследовательская работа ученых находит воплощение в научных статьях, монографиях, энциклопедических информациях. Так, в «Энциклопедии Ямало-Ненецкого автономного округа» (2004) по документам ГА ЯНАО написаны статьи А.Г. Еманова, В.П. Петровой, С.В. Дронзиковой и др.

За последние годы по документам архивов Ямала изданы монографии: Л.В. Алексеевой «Ямало-Ненецкий автономный округ в первое десятилетие своей истории (декабрь 1930 г. — июнь 1941 г.)», Н.А. Михалева «Население Ямала в первой половине XX века (историко-демографический анализ)», «Уральская экспедиция на Обдорском Севере: Приполярная перепись 1926–1927 гг.» (Е.М. Главацкая, Ю.В. Клюкина-Боровик), Е.А. Волжаниной «Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX–XXI веке», Н. А. Повод «Коми Северного Зауралья (XIX в. — нач. XXI в.)», а также опубликованы многочисленные статьи, вошедшие в сборники и ставшие основой коллективного труда «История Ямала» в 2-х томах.

Этими трудами внесен значительный вклад в изучение истории Ямала.

Пользователи приезжают для работы с архивными документами в Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (ГА ЯНАО) из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Омска, Иркутска, Тюмени. Также архивы Ямала интересны и для иностранных исследователей из Венгрии, Канады, США.

По архивным документам проведена большая краеведческая, библиотечная, музейная работа. Спектр тем, по которым проводились исследования работниками библиотек, научными сотрудниками музеев и гражданами, интересующимися краеведческими проблемами, достаточно многообразен. Так, над уточнением дат образования библиотек и их историей в разные годы работали Л.В. Ильина, Л.Н. Сокурченко, Т.Ю. Голубенко, Л.В. Максименкова, Л.Ф. Эйхман, Н.В. Рябова. Каждый исследователь вносил свою лепту в летопись библиотечного дела на Ямале.

Для музеев округа документальное наследие ЯНАО — особый неиссякаемый источник знаний. Так, для создания музея в г. Лабытнанги его организатор И.П. Горская буквально «построчно» изучала материалы Госархива более десяти лет: с 1989 г. по 1999 г. Стараниями Ирины Петровны Лабытнангский краеведческий музей распахнул свои двери 1 января 1995 года, а 19 января она вновь приехала в Государственный архив ЯНАО (г. Салехард) и работала по теме «История Лабытнанги». В последующие годы Ирина Петровна являлась постоянным исследователем истории родного города и приезжала в административный центр для уточнения известных событий из жизни Лабытнанги и поиска новых сведений. Архивисты по праву гордятся своей помощью по предоставлению архивных материалов в написание истории музея города Лабытнанги и других населенных пунктов.

Поиском архивных данных по истории муниципальных образований автономного округа занимался директор Ямальского районного историко-краеведческого музея Г.С. Зайцев и его заместитель А.К. Ощепков, научный сотрудник музея Ямальского района А.А. Давиденко, хранитель фондов Овгортского музея Е.Л. Талигина. Научные сотрудники Приуральского краеведческого музея (с. Аксарка):

С.В. Тавлетбаева, С.П. Арачева — в разные годы по крупицам собирали историю села Аксарка. В.И. Лырмина трудилась над воссозданием истории и оформлением музея Приуральского краеведческого музея рыбозавода. Над историей культпросветучилища им. Л.В. Лапцуя (отделение социально-гуманитарного профиля Ямальского многопрофильного колледжа) для оформления экспозиции работала А.М. Пушкинова (1976). В последующие годы этот опыт очень пригодился Анне Михайловне — она стала директором окружного краеведческого музея (в настоящее время — Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный центр им. И.С. Шемановского).

Научные сотрудники Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шемановского в течение многих десятилетий создавали интересные проекты выставок, представляли новые экспозиции по истории округа. Ими были собраны ценные информационные сведения из архивных документов, написаны статьи в средства массовой информации. Служба по делам архивов ЯНАО благодарна всем специалистам Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского за то, что экспозиционные материалы учреждения культуры базировались на исторических фактах, подтвержденных архивными документами. В разные годы за помощью «к свидетельствам времени» обращались: С.Г. Канев (1965), В.П. Шевелева (1976), Н.В. Кочнева (1977), Т.Н. Красова (1978), Н.В. Смирнова (1987), Т.В. Гостюхина (1991), А.В. Созонова (1994), Л.П. Сазонова (1995), Н.З. Новгородова (1995), Е.В. Шишкина (1995, 1996), Е.Ю. Арсентьева (1996), В.М. Липатов (1996), С.Г. Данковцева (1999), Е.А. Чернявская (2000), Т.П. Ребракова (2001), А.Ш. Кузьмина (2001), О.В. Ивашенко (2002), О.Б. Приходько (2012), Л.В. Еремеева (2011, 2012, 2013). Благодаря поисковой работе ими были созданы экспозиции «История Обдорской Петропавловской церкви 1894–1930-е гг.», «История окружного отдела культуры» (1994), «Салехард в годы войны» (1995) «Театр в Обдорске» (1996), История ветбакинститута г. Обдорска (1995), «Образование и культура ЯНАО во второй половине XX в.», «Купечество Обдорска» (1999), «История Обдорска-Салехарда» (2010), «Культурная

жизнь Салехарда 1949–1953 гг.» (2011), «Культурная жизнь города Салехарда 1949–1953 гг.» (2012), «История рыбоконсервного завода» (2013) и многие другие.

Созданием музеев занимались не только представители учреждений культуры, но и окружные организации: над страницами истории Салехардского педагогического училища трудился В.И. Шулинин, воссозданием истории становления пожарной охраны ЯНАО — старший инженер МПО УГПС МЧС РФ ЯНАО отдела пропаганды и связи с общественностью — И.В. Меньшакова, музея института усовершенствования учителей — Н.И. Ного. Заинтересовавшись исследовательской работой, Наталья Ивановна Ного впоследствии при написании статей в качестве внештатного корреспондента руководствовалась в первую очередь архивными источниками. В «Книге отзывов» она написала: «Изучая историю родного края, при подготовке выступлений и публикаций на различные краеведческие темы, систематически работаю с материалами окружного архива, которые помогают мне глубже и всесторонне понимать и объективнее оценивать историю Ямала...».

Известные в автономном округе представители средств массовой информации стали благодарными пользователями ГА ЯНАО: С.П. Волков, А.К. Омельчук, О. Сытник, Р.П. Ругин. Архивные документы дали им и другим исследователям не только сведения, но

вдохновенные минуты для создания интереснейших проектов:

«Грандиозное Ямало-Чукотское спасибо за бесценный поиск и выдающиеся находки. А. Омельчук»

«Удалось собрать много ценного материала по общественно-политическому развитию Ямала и истории его образования, к.и.н., доцент кафедры политологии Сургутского университета Д.В. Сердюков»

«Вы сохраняете народное достояние народа, страны, бесценные отзвуки ушедшей эпохи для будущего нашей страны. Исследователь хоккея Ямала Дмитрий Васильевич Федорищев»

«С этого времени я полюбила работу в архиве и людей, выполняющих эту почетную и без преувеличения важную миссию — архивистов. Ведущий комментатор Пресс-центра предприятия «Надымгазпром» Ложникова Светлана Анатольевна».

В свою очередь я, как руководитель службы по делам архивов Ямало-Ненецкого автономного округа, хочу поблагодарить работников архивов за ту невидимую, но важную работу, которую они каждодневно выполняют, фондообразователей, исследователей и всех людей, неравнодушных к памяти народа, сохраняемой в архивных документах.

МЕТОДЫ И ПРОГРАММА РАБОТ СЕВЕРНЫХ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ
ЭКСПЕДИЦИЙ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Волжанина Е. А.

Землеустройство северных территорий с преимущественно промысловым населением получило всеобщий государственный характер в конце 1920-х и особенно в 1930-е гг. С первоначальными земельными работами связывалось оформление территориального, национально-политического, хозяйственно-экономического статуса национальных округов и районов и их коренных народов. Можно смело утверждать, что многие инновации на Севере, связанные с хозяйственной деятельностью, развитием связи и торговли, своим появлением обязаны практическим выводам и рекомендациям землеустроительных экспедиций, сумевших охватить все стороны северной жизни благодаря комплексному характеру работ в первой трети XX в.

Начало землеустроительной практики относится к принятию в марте 1928 г. постановления V расширенного пленума Комитета Севера о первоначальном земельном и водном устройстве малых народностей северных окраин [Судьбы народов..., 1995. С. 151]. С этого времени начинает разрабатываться методика работ на северных территориях, основы которой заложил А.И. Березовский, впервые обосновавший их комплексный характер и подготовивший первую методологическую публикацию по водоустройству [Березовский, 1930; Скачко, 1930. С. 22]. Тобольское окружное земельное управление и Комитет Севера, развивая его идеи, разработали в 1928 г. «Временную инструкцию по производству работ по организации территории Тобольского округа», «предусматривающую комбинированное земельно-водо-лесо-тундро-устройство в порядке кустового гнездового обязательного землеустройства», обозначив комплекс работ как североустройство [Скачко, С. 23]. Отсюда экспедиции, работавшие на Ямальском Севере, получили название североустроительных.

В данной статье, на основании представленных законодательных и делопроизвод-

ственных источников, отложившихся в фондах Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа, рассматриваются методы и программа работ северных землеустроительных экспедиций, проводившихся в Ямальском (Ненецком) национальном округе в первой трети XX в.

С принятием сентябрьского постановления в 1930 г. организация, методы и программа землеустройства определялись специальной универсальной инструкцией по его применению. Государство брало на себя финансирование всех работ «в отношении хозяйственного устройства земель», руководство которыми осуществлялось Госземтрестом по планам и заданиям НКЗ РСФСР и по договорам с соответствующими Наркомземами краевых и областных земельных управлений при участии окружных и районных исполнительных комитетов» с привлечением «специально избираемых уполномоченных», колхозного, батрацкого и бедняцко-средняцкого населения, советских и общественных организаций [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 12. Л. 111об.]. Работы проводились в следующем порядке: составление проекта земельного устройства, на основании изучения всех имеющихся картографических, съемочных и отчетных материалов предшествующих и вновь организованных экспедиций, данных статистики, лесоустройства, документации заготовительных организаций; предъявление проекта участникам землеустройства и затем его утверждение районными исполнительными комитетами [Там же]. Соответственно в их организации выделялись два камеральных (на подготовительном и заключительном этапе) и один полевой периоды. Необходимость выполнения комплексного земельно-хозяйственного изучения предполагала наличие в составе экспедиции разных специалистов: землеустроителей, экономистов, геодезистов, ботаников, почвоведов, охотоведов, рыбоведов, зоотехников и других

экспертов в зависимости от объема и характера обследования в районе [Там же]. Полевой период был очень насыщенным и включал земельное, экономическое, геоботаническое, почвенное, зоотехническое обследование, изучение охотничьих и рыболовных угодий, зверобойных промыслов и лесных пространств по программам, установленным Госземтрестом, согласованным с Наркомземом и уточненными с местными земельными организациями применительно к условиям того или иного района [Там же. Л. 113об.]. Сбор и анализ сведений осуществлялся в соответствии с классовым подходом, установками на создание коллективных хозяйств и оседание кочевников. Полученные данные должны были служить обоснованием к административно-территориальному, экономическому и национальному районированию. Опрос населения по специальным программам, заполнение похозяйственных карточек, личное наблюдение и изучение документации, хранившейся на местах в сельских, поселковых и туземных советах, культбазах, опытных станциях, факториях, заготовительных организациях, правлении совхозов и колхозов стали основными приемами полевой работы, дополнявшимися специфическими методами в рамках того или иного обследования.

Помимо опроса населения методами земельно-хозяйственного обследования служили простейшая рекогносцировочная, а на наиболее хозяйственно-ценных площадях — инструментальная геодезическо-топографическая съемка и визуальная аэро-съемка, позволявшие корректировать предшествующий картографический материал, определить состав, расположение и количество сельско-хозяйственных, лесных, ягельных, охотничьих, рыболовных и других угодий, степень их использования, состав пользователей, установить их хозяйственную и производственную ценность. Кроме того, в задачи землеустроителей входило выяснение земельных отношений различных землепользователей, существования скрытых форм, аренды, наличия вотчинничества, земельных споров и выявление методов правильного их решения; условий пользования угодьями кочевыми и нековыми народами, земельно-организационных условий, способствующих их оседанию; по-

желаний бедняцко-средняцких масс и условий к переходу к коллективным формам» [Там же]. По результатам земельного обследования составлялась карта в масштабе 1:500000 (или 1:200000 для особо значимых угодий и мест) с экспликацией земельных угодий, с указанием населенных пунктов; кочевых маршрутов; летних и зимних стоянок; участков, зараженных сибирской язвой; границ фактического и вновь установленного землепользования колхозов, земельных объединений, совхозов, заповедников, схематического расположения и т. д. [Там же].

Экономическое обследование включало сбор и анализ большого количества массовых данных, характеризующих производительность сельскохозяйственных и промысловых угодий в натуральном и ценностном выражении (урожайность сельскохозяйственных угодий, улов рыбы, убой морского зверя, выход пушного и копытного зверя и т. д.); доходность продуктивного и транспортного скота в натуральном и ценностном выражении; количество и стоимость орудий и средств производства (сельскохозяйственных, промысловых, транспортных); степень коллективизации и кооперирования бедняцко-средняцких масс, организационно-хозяйственное состояние колхозов; социально-экономическую дифференциацию хозяйств; капиталовложения, цены на основные продукты местного производства, удельный вес основных хозяйственных отраслей данного района в общем бюджете хозяйств; места сбыта продукции, транспорт и связь; природные условия (осадки, температура, продолжительность вегетационного периода, заморозки, уровень мерзлоты земли, возможности посева и созревания полевых культур) [Там же. Л. 113, 113об.].

Исследование землепользования и экономической ситуации было обязательным пунктом в работе землеустроительных отрядов, тогда как изучение растительности, пригодной для корма скота, установление общих кормовых запасов, условий и сроков их восстановления и правильной эксплуатации, анализ состояния почв и перспектив развития оленеводства и животноводства выполнялось в зависимости от текущей ситуации в сельском хозяйстве района. Разработка проектов распределения охотничьих и рыболовных угодий,

мест морского зверобойного промысла между пользователями и лесоустройство проводилось только с привлечением сил и средств соответствующих хозяйственных организаций на местах.

В окончательном виде проект включал карту землеводоустройства района, письменный проект с обработанными результатами земельных и экономических обследований, данные об экономическом районировании и направлении хозяйства. В обосновании проекта описывались условия для укрупнения и развития совхозного строительства, коллективизации и кооперирования бедняцко-средняцких хозяйств, перехода на оседлый образ жизни, осуществления национальной и классовой политики, создания благоприятной хозяйственной и организационной ситуации, характеристики госфондов. Отвод земель на основе классового подхода создавал самые выгодные условия землепользования колхозам и бедняцко-средняцкому населению, обеспечивая их достаточным количеством сельскохозяйственных, промысловых (рыболовных, охотничьих, зверобойных) и пастбищных угодий «лучше по качеству и удобно расположенные в составе и размерах, обеспечивающих хозяйственное и организационное укрепление и развитие», ликвидируя вотчинное рядовое землепользование [Там же. Л. 114об.]. Наделение землями производилось по поземельно-расчетным единицам, выработанным руководством РИКов, землеустроительными экспедициями, и утвержденным окружными, краевыми и областными исполкомами по согласованию с местными Комитетами Севера [Там же]. Прежде чем вступить в силу положения проекта предьявлялись на обсуждение и утверждение населению и организациям землеводоустройства района, которым выдавалась выкопировка из проектного плана с экспликацией угодий в границах отведенного им участка. По результатам обследований районные исполнительные комитеты получали копии районной карты с обозначением угодий каждого отдельного землепользования и самого письменного проекта [Там же. Л. 116].

Эффективная работа землеустроительных партий обеспечивалась за счет детально разработанных программ, что было удобно в ситуации острой нехватки квалифицирован-

ных кадров для работы в полевых условиях и создавало условия для взаимозаменяемости специалистов по договоренности с начальником экспедиции [ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 12. Л. 4об.]. Специальная программа для составления актов выявления угодьепользования, прав и пожеланий землеводоустройства населения включала вопросы для получения физико-географических сведений (границах угодьепользования, местонахождении, расстоянии до ближайшего населенного пункта, описаний местности и др.), данных о кочевом, полукочевом и оседлом населении (родовые группы, число хозяйств в населенных пунктах, занятия, специализация, возникновение прав пользования угодьями и др.), землепользовании, лесопользовании, оленепастбищепользовании, отдельно для летних и зимних пастбищ, охотпользовании, водопользовании и свободных земельных фондах [Там же. Л. 1–4].

Распределение всех угодий проводилось на основании *актов прав и пожеланий*, заполняемых на каждое обследованное хозяйство (или группу хозяйств), содержащих информацию о его кочевых маршрутах за последние два года с указанием времени, продолжительности стоянок и названий рек и урочищ, через которые оно проходило, выделяя отдельно отельные и промысловые места и формы пользования последними. Точность зафиксированных сведений подтверждалась подписью опрашиваемого. Он также должен был также объяснить выбор своего маршрута (переходом к лучшим сезонным пастбищам, стремлением приблизиться к рыболовным угодьям, факториям или получением заработка от извоза и т. д.). Если хозяйство занималось летом рыболовством, а оленей отдавало на выпас, то фиксировалось время и условия передачи и возврата, имя пастуха, место выпаса. Специальный раздел посвящался применению наемного труда в хозяйстве. В заключение бланка записывались «пожелания хозяйства к проводимому землеводоустройству, где и какие угодия хочет получать. Есть ли какие-нибудь споры из-за пользования угодьями с другими туземцами или с государственными организациями» [Там же. Л. 30, 30об.].

Большое значение придавалось статистико-экономическим работам, охватывающим широкий круг разноотраслевых вопросов, обеспе-

чивающих необходимыми данными все разделы проекта, освобождая соответствующих специалистов от сбора статистических данных, характеризующих размер добычи охотничьей продукции и рыбы, валовый сбор орехов и ягод, количество промыслового инвентаря и т. д. В связи с этим экономист в составе экспедиции «служил лицом, объединяющим все отрасли комплекса и синтезирующим результаты отраслевых обследований в одну общую картину хозяйственной действительности района» [Там же. Л. 42]. На нем лежала вся ответственность составления текстового проекта землеустройства района, включавшая естественно-географическое, демографическое и хозяйственно-экономическое описание районов, обоснование микрорайонирования, норм наделения и освещения роли переселения и способов использования выделенных фондов с учетом выполнения планов Второй пятилетки в 1933–1937 гг. Он давал рекомендации о колонизационных возможностях края и рациональных путях его освоения [Там же].

Упрощенной формой получения массовой информации стала разработанная с этой целью *похозяйственная карточка*, предназначенная «для учета всех главнейших элементов единоличного хозяйства, на основании которой в дальнейшем будет определена потребность в промысловых и сельскохозяйственных угодиях» [Там же. Л. 38]. Благодаря разработанной структуре, она обеспечивала сведениями о числе единоличных хозяйств, неколлективизированного и трудоспособного населения, охотников и рыбаков среди них и их социальном статусе, среднем размере семьи и половозрастной структуре, количестве и стоимости строений, транспорта, промыслового и оленеводческого инвентаря, величине валового и товарного дохода от промыслов и занятий. Эти показатели применялись в дальнейшем экономистами, рыбаковедами, охотоведами и специалистами оленеводческого сектора для определения средних показателей емкости угодий, валового дохода от промыслов и занятий, расчета трудовых затрат, стоимости капиталовложений, позволяли судить о направлении хозяйства и выделять специализированные микрорайоны. Полученные абсолютные и относительные цифры суммировались и распределялись по социальным группам, населенным пунктам,

советам и району. Социальная принадлежности глав хозяйств определялась на основании посемейных списков туземных и сельских советов. Для привязки учетных данных к территории рекомендовалось национальность записывать на родном языке опрашиваемого [Там же. Л. 38об.]. На членов колхозов заполнялись *бланк обследования коллективов и форма сведений о необобществленных доходах и имуществе колхозников*.

Кроме работы над программными вопросами, обязанности экономиста включали выявление сведений социально-политического и экономического характера в районных рамках, касающихся форм эксплуатации, классовой борьбы между социальными группами, остатков феодально-вотчинного права в землепользовании, организационно-хозяйственных недостатков в колхозах и мерах борьбы с ними, перспективах колхозной торговли, применения женского и подросткового труда в хозяйстве, причинах роста и упадка отдельных видов хозяйства, возникновения новых отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности и ремесел, работы Интегралкооперации, социально-культурно-врачебном обслуживании населения и описания существующих путей сообщения в разное время года. Он же занимался почвенной характеристикой сельскохозяйственных угодий для установления перспектив развития огородничества и полеводства и связанного с ними животноводства, сбором метеорологических и фенологических сведений в течение года обследования.

Достаточно обширный круг вопросов включала *программа оленеводческого сектора*, составленная для подготовительного и полевого этапов работ. План обследования на местах детально прорабатывался с использованием материалов Приполярной переписи 1926–1927 гг., соответствующих публикаций, сведений окружных и районных организаций, перед выездом составлялась карта плотности оленеводства [Там же. Л. 62]. Во время экспедиции путем опроса населения, с последующей уточнением некоторых данных в советах, устанавливались состав и движение стад, принадлежащих единоличникам и социалистическому сектору, характер оленеводческой продукции (способы забоя оленей, потребление внутри хозяйства, кустарная продукция),

оленьего транспорта (каких оленей запрягают, их количество, число нарт в хозяйстве, соотношение ездовой и продуктивной частей в стаде, оленные дороги), кочевых маршрутов, техники выпаса и использования пастбищ, зоотехнических знаний и практик (выбраковка, кастрация, гон, отел и др.), норм обычного права, регулирующих пастбищепользование, расположение падежных мест [Там же. Л. 62–64]. Для определения потребности в кормах на 1 оленя применялось совместное полустационарное наблюдение «кормовика» и оленевода в течение двух-трех дней «над абсолютным сравнением с учетом времени и поголовья (метод повторных укусов)» [Там же. Л. 63об.].

Результатом камеральной обработки должен был стать «вывод качественных показателей» в районном, социальном и национальном разрезах, касавшихся динамики поголовья оленей, продукции оленеводства, оленьего транспорта и доходов хозяйства от оленеводческого сектора, составление карты кочевых путей и плотности оленеводства, падежных мест и территорий, подверженных гололедице, составление проекта пастбищеустройства,

вычисление норм наделения и кормового баланса [Там же. Л. 64, 64об.]. В первом случае рассчитывались процент важенок и ездовых быков [в] стадах различной величины; количество важенок на 1 хора; процента яловости и приплода к общему поголовью; непроизводительная убыль; динамика поголовья во второй пятилетке в связи с реконструктивными и рационализирующими мероприятиями. Во втором случае — оптимальный размер стада в различных условиях, общая потребность в оленеводческой продукции в районе, величина ежегодного забоя, товарность оленеводства по зонам и формам ведения хозяйства и пути ее повышения. Расчет вычисления норм наделения и кормового баланса производился совместно с геоботаническим сектором.

Таким образом, методы и программы землеустроительных экспедиций на территориях проживания промыслового населения отвечали их комплексному характеру, помогая охватить все стороны хозяйственной жизни и социально-политической ситуации в районах обследования в соответствии с установками партии и правительства в стране.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 12.

Березовский А. И. Основные принципы и практика работ по земельному и водному устройству туземных районов приполярного Севера // Советский Север. Второй сборник статей. — М.: Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, 1930. — С. 69–117.

Скачко А. Е. Организация территории малых народов Севера // Советский Север. Второй сборник статей. — М.: Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, 1930. — С. 5–68.

Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.). Сборник документов. — Тюмень, 1994. — 321 с.

**ИСТОРИЯ ЯМАЛА В СУДЬБАХ ЛИЧНЫХ (РОЛЬ И ЦЕННОСТЬ
АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОЗДАНИИ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БАЗЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЯМАЛО-
НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА)**

Геращенко О.А.

На века драгоценнейшим даром —
В дневниках и газетах, в снимках,
в письмах любимых —
Судьбы личные — память Ямала,
Что вливаются в память Российских архивов.
(О. Андреева)

Фонды личного происхождения Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа — особый пласт архивных документов, позволяющих наряду с официальными документами дать представление об ушедшем времени, превращающих в объект истории не только крупные социальные и культурные явления, но и судьбы ярких и неординарных людей, внесших весомый вклад в развитие округа.

Особенностью этих фондов является разнообразие содержания, они широки в тематическом и хронологическом отношении.

Документы фондов личного происхождения представителей исполнительной и законодательной власти округа, ветеранов Великой Отечественной войны, почетных граждан Ямало-Ненецкого автономного округа, заслуженных работников здравоохранения, сельского хозяйства, образования, деятелей культуры и спорта, краеведов Ямала, хранящиеся в Государственном архиве, позволяют исследователям увидеть глазами свидетелей развитие уже ушедших событий и фактов.

В настоящее время в Государственном архиве на постоянном хранении находится 30 фондов личного происхождения, в т. ч. 9 коллекций, включающих в себя 4205 ед. хр., 12151 ед. уч за 1872—2014 годы, объединяющих 74 гражданина, чьим общим трудом Ямал стал новилася процветающим и могучим регионом.

Осознавая важность сохранения и преумножения фондов личного происхождения, сотрудники архива считают комплектование до-

кументами личного происхождения одним из важнейших направлений своей деятельности и ведут целенаправленную работу с владельцами и хранителями личных архивов для включения их в Архивный фонд Российской Федерации.

Одним из таких примеров является открытие фондов председателей Государственной Думы и Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа Харючи Сергея Николаевича (Ф. 405 «Харючи С. Н. — Председатель Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа, кандидат юридических наук, Президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока Российской Федерации, заместитель Председателя Национального организационного комитета по подготовке и проведению в Российской Федерации Международного десятилетия коренных народов мира»), Бабина Николая Андреевича (Ф. 363. Оп. 3 «Представители органов исполнительной и законодательной власти Ямало-Ненецкого автономного округа» — заместитель Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа, начальник департамента по развитию агропромышленного комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа, заслуженный работник сельского хозяйства РФ»), Корепанова Сергея Евгеньевича (Ф. 424 «Корепанов Сергей Евгеньевич — председатель Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа 1996—1997 гг., председатель Тюменской областной Думы»).

Помимо биографических документов, переданные на хранение тексты докладов, выступлений, статей являются надежной источниковой базой для изучения истории развития и становления законодательства на Ямале, принятия важнейших актов, обеспечивающих права и свободы жителей округа.

В коллекции документов фонда 363 «Представители органов исполнительной и законодательной власти Ямало-Ненецкого автономного округа» открыты фонды председателей окрисполкома разных лет (1944–1990 гг.) — Броднева Михаила Митрофановича — председателя исполнительного комитета Ямало-Ненецкого национального округа, персонального пенсионера), Миронова Константина Ивановича — председателя окружного исполнительного комитета, первого секретаря окружного комитета КПСС, Баяндина Льва Сергеевича, председателя Ямало-Ненецкого окружного Совета народных депутатов, Главы администрации Ямало-Ненецкого автономного округа, начальника Управления мероприятий защиты населения и территории Тюменской области; фонд Тишина Николая Петровича, председателя Ямало-Ненецкого окрисполкома, председателя совета землячества «Полярный круг», почетного гражданина Ямало-Ненецкого автономного округа открыт в фонде 396 «Почетные граждане Ямало-Ненецкого автономного округа».

Материалы коллекции характеризуют деятельность руководителей округа, открывают не только исторические реалии, но иной, не похожий на современный, принцип организации работы, стиль взаимоотношений между людьми.

Память, как известно, категория нравственная. Именно поэтому особый интерес в коллекции вызывают документы частного характера: черно-белые снимки Броднева Михаила Митрофановича, автобиография Баяндина Льва Сергеевича; воспоминания Миронова Константина Ивановича, человека, прошедшего большой трудовой и общественный путь (более 52 лет трудового стажа), выросшего от судового механика до первого руководителя крупнейшего автономного округа, где он пишет о прибытии на Ямал: «...26 августа 1950 года пароход прибыл на пристань Салехард. Я не буду описывать свои чувства, возникшие у меня по прибытии сюда. Одним словом, Омск и Салехард не только географически полярные города, но и по всем остальным качествам. Однако в то время я еще не думал, не гадал, что этот арктический край станет моей второй и основной малой родиной», своей службе в армии: «Глубоко убежден

в том, что если бы не прошел армейскую закалку, то я бы не состоялся как партийный и советский руководитель. Это точно» и других судьбоносных событиях, закаливших и воспитавших его.

Личная переписка Броднева Михаила Митрофановича с женой Станиславой Ивановной Станкевич, является не только образцом эпистолярного жанра, но характеризует его как личность высокой духовной организации.

В течение последнего года фонды Государственного архива пополнились уникальными документами личного происхождения Губернаторов Ямало-Ненецкого автономного округа: Ф. 422 «Кобылкин Дмитрий Николаевич, Губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа), Ф. 430 «Неелов Юрий Васильевич — Глава администрации Ямало-Ненецкого автономного округа 1994–1996 гг., Губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа 1996–2010 гг., Почетный профессор Тюменского нефтегазового университета, доктор технических наук», стратегически мыслящих политиков, рачительных хозяев богатейшего Российского региона.

Характеризуя личные фонды, хранящиеся в Государственном архиве Ямало-Ненецкого автономного округа, многих фондообразователей можно назвать первопроходцами. В числе таковых:

первый командир Салехардского объединенного авиаотряда Васильев Владимир Иванович, награжденный тремя орденами — Ленина, Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции (Ф. 396 «Почетные граждане Ямало-Ненецкого автономного округа»);

первый и пока единственный доктор исторических наук, выходец из ненецкого народа, Пушкарева Елена Тимофеевна, заместитель Председателя Комитета Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа по местному самоуправлению, советник Российской Федерации 1-го класса, доктор исторических наук, член депутатской фракции Всероссийской политической партии «Единая Россия» (Ф. 363. Оп. 5 «Представители органов исполнительной и законодательной власти Ямало-Ненецкого автономного округа»);

Вахнина Валентина Александровна, почетный гражданин Ямало-Ненецкого автономного округа, директор совхоза «Россия»

Ямальского района с 1978 по 1997 гг., за 44 года трудовой деятельности прошедшая профессиональный путь от зоотехника по оленеводству до директора совхоза «Россия», первой женщины занимающей такой пост (Ф. 396. Оп. 1 «Почетные граждане Ямало-Ненецкого автономного округа»).

Сысолятин Геннадий Владимирович (Ф. 317 «Директор Ямало-Ненецкой окружной детско-юношеской спортивной школы по национальным видам спорта, мастер спорта по национальным видам спорта, судья международной категории, заслуженный работник физической культуры Российской Федерации») свою жизнь посвятил развитию национальных видов спорта на Ямале, воспитал не один десяток замечательных спортсменов, неоднократно добивавшихся побед на Чемпионатах и Кубках России. По инициативе и при непосредственном участии Геннадия Владимировича в городе Салехарде была открыта первая окружная детско-юношеская спортивная школа по национальным видам спорта. За годы работы в качестве тренера-преподавателя он подготовил 32 мастера спорта и 30 кандидатов в мастера спорта РСФСР, 18 призеров чемпионатов России и международных праздников народов Севера.

Книги рекордов Ямала, методические издания по организации соревнований по национальным видам спорта северного многоборья, рекомендации для членов оргкомитета Арктических зимних игр, письма воспитанников и коллег, служебная переписка, фотодокументы рассказывают о замечательном пути земляка.

Гордостью Государственного архива является открытый в 2011 году фонд Бованенко Вадима Дмитриевича — замечательного представителя поколения первооткрывателей кладовых Севера (Ф. 411 «Бованенко В. Д. — геофизик, управляющий Ямало-Ненецким геологоразведочным трестом на нефть и газ «Ямалнефтегазразведка»). Благодаря таким людям, обладающим активной гражданской позицией, упорством, исключительной работоспособностью, пишется история Ямала. Именем Бованенко В. Д. названо одно из крупнейших нефтегазоконденсатных месторождений не только России, но и мира.

В его фонде содержатся документы служебной деятельности, уникальные черно-

белые снимки за 1929–1960-е годы, а также воспоминания Сильвии Леонидовны Матвеевой, вдовы Бованенко В. Д., написанные высоким литературным слогом

В октябре 2013 года во время личного визита в Ямало-Ненецкий автономный округ Сильвия Леонидовна лично ознакомилась с условиями хранения фонда Вадима Дмитриевича и передала на хранение новые документы.

Гигантская педагогическая работа отражена в многочисленных статьях, очерках, докладах, вошедших в фонд Костецкого Валентина Ивановича, заведующего Ямало-Ненецким окружным отделом народного образования с 1960 года по 1971 год (Ф. 399. Оп. 1. «Работники образования Ямало-Ненецкого автономного округа»). По количеству и категориям документов фонд стал одним из богатейших и содержательных.

Всю свою жизнь Валентин Иванович посвятил благородному учительскому труду, утверждая его высокий социальный статус, поднимая престиж знаний в глазах детей и общественности.

На основании длительных исследований Костецким В. И. была написана диссертация об этнической и этнопедагогической деятельности.

Валентин Иванович, делегат I Всесоюзного съезда учителей, член ЦК профсоюза работников просвещения, был профессионалом-новатором, автором ряда научных публикаций о проблемах воспитания детей коренных народов крайнего Севера. В статье «О готовности к школьному обучению детей кочевников Заполярья» он писал: «Мы попытались разобраться в этом вопросе, изучить как развиваются дети оленеводов-ненцев до поступления в общеобразовательную школу, каким образом и в какой степени они оказываются подготовленными к усвоению арифметики, чтения, к выработке навыков письма, рисования, т. е. к начальному обучению в соответствии с требованиями новых программ. Здесь же — наблюдения за детьми в условиях кочевой жизни, жизни в чуме показали, что их бытовая и игровая деятельность является также хорошим средством развития кисти руки, мелких мышц пальцев, координации зрительно-двигательных и других движений, умения наблюдать и запоминать образ в целом и его отдельные детали».

В докладе 1969 г. «Итоги Всесоюзного съезда учителей и текущие задачи школы» Валентин Иванович констатировал: «У северной школы самая короткая история. Она начинается с 30-х годов нашего века. До 1926 года народы северных окраин не имели своей письменности. От введения письменности до завершения восьмилетнего всеобщего и введения среднего образования - таков путь развития просвещения на Крайнем Севере за 50 лет». И в этом - весомая часть труда Костецкого В. И.

В целях развития творческого и профессионального потенциала учителей Костецкий В. И. изучал и обобщал опыт Сухомлинского, Амонашвили, Шаталова, внедряя его в школах округа.

В июне 2014 года была организована и проведена встреча с Костецкой Ниной Емельяновной, вдовой Костецкого В. И., и дочерью Костецкой Татьяной Валентиновной в г. Москве. Костецкая Нина Емельяновна, супруга Валентина Ивановича, в 1960-х годах участвовала в апробировании в начальных классах г. Салехарда экспериментальной учебной программы Занкова Леонида Владимировича, советского психолога, специалиста в области дефектологии, памяти, запоминания, педагогической психологии, способствующей общему психическому развитию школьников, действующей по сегодняшний день.

Встреча с семьей Костецкого В. И. дала новый импульс по пополнению фонда, добавив в него документы, представляющие историческую ценность для педагогического общества.

Стоит отметить, что сотрудники архива одним из важных вопросов считают пополнение фондов личного происхождения документами не только выдающихся личностей, но и документами людей, обладателей материалов, имеющих культурно-историческую ценность, содержащих яркие характеристики своей эпохи. Например, в документах Чумака Федора Епифановича, ветерана Великой Отечественной войны (Ф. 317 «Коллекция документов личного происхождения ветеранов войны и труда г. Салехарда и Ямало-Ненецкого автономного

округа») хранится его личный дневник с ежедневными метеонаблюдениями, которые он вел в течение пяти лет.

Всестороннее изучение документов из фондов личного происхождения показывает, что свидетельства и удостоверения ранее существовавших общественных организаций, письма, эскизы и наброски картин, рукописи опубликованных и неопубликованных произведений, дружеские шаржи и пародии, фотодокументы, рассказывающие о жизни и быте, условиях существования различных слоев общества, являются специфическим научно-историческим источником информации, важным средством общественной коммуникации, т. к. с их помощью можно наглядно представить события, факты, явления, предметы реальной действительности уже ушедшего времени.

Понимая, что история пишется каждый день, сотрудники архива нередко задумываются о том, что пройдет совсем немного времени, и объектом исследований станут события последних лет, сегодняшних дней. Будущие поколения наверняка заинтересуются первым Губернатором Ямало-Ненецкого автономного округа, мэром города Салехарда, жизнью простых ямальцев. Исходя из этого, зачастую определяются источники комплектования фондов личного происхождения, как знак признания вклада современников в историческое настоящее.

Козлов Владимир Петрович, руководитель Федерального архивного агентства (1996–2009 гг.), в своей книге «Бог сохранял архивы России» писал: «...приобщение к прошлому независимо от его интерпретации оставляет, на первый взгляд, малозаметный, но всегда для каждого нормального человека оглушающий результат».

Работа по пополнению фондов Государственного архива Ямало-Ненецкого округа документами личного происхождения продолжается, и для сотрудников архива главным результатом являются сохраненные для будущих поколений документы участников исторических событий, оставивших след в развитии нашего города, округа и страны.

**ЖИЗНЬ ОХРАННИКОВ И ВОЛЬНОНАЕМНЫХ
В ПРОТОКОЛАХ ПАРТИЙНЫХ И КОМСОМОЛЬСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ 501**

Гриценко В.Н.

В документах партийных и комсомольских организаций, представленных в основном протоколами конференций, заседаний бюро и собраний, согласно жанру документов в первую очередь отражена общественно-политическая сторона жизни их членов. В том числе и в первую очередь служащих военизированной охраны: сержантов и рядовых.

Прежде всего, документы сообщают об организации политического просвещения среди комсомольцев и молодежи. Это политпросвещение предполагало работу кружков по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)», биографии Ленина и Сталина, а также Устава ВЛКСМ. Согласно отчетам таким обучением было охвачено до 10% комсомольцев и прочей молодежи. Судя по материалам и интонациям документов, процесс шел не шатко, не валко, без фанатизма.

Отдельным направлением партийно-комсомольской работы были пропаганда и агитация. В комсомольских организациях имелись избранные агитаторы, которые в основном ограничивались читками газетных и журнальных материалов. Это называлось «беседами». При всей простоте «технологии» и они были редкими. Так в течение 1949 года на одного агитатора пришлось по одной «беседе» в каждые два месяца. На 501-м строительстве были особо отмечены агитаторы и докладчики в комсомольской организации Надыма (секретарь Перешеина), которыми были прочитаны доклады «Боевой путь комсомола», «Сон и сновидения», «Что дала Советская власть молодежи» и др. Судя по отчетам, комсомольцами выпускались стенные газеты и «Боевые листки». Кое-где работали кружки художественной самодеятельности [ГАСПИТО. Ф. 1572. Оп. 5. Д. 1. Л. 56–59. Из протокола первой партийной конференции партийной организации Обского ИТЛ и строительства № 501 МВД СССР].

В производственной и во многих сферах

общественной жизни проводилось так называемое «социалистическое соревнование». О восприятии работниками этого соревнования как формальности свидетельствовали отчеты. Так партийный протокол отмечал, что некоторые отделения Строительства 501 «почти совершенно не занимались подведением итогов соц. соревнований. Их постоянно действующие комиссии распались. ... включались в обязательства пункты, которые должны выполняться, как основа своей работы» [ГАСПИТО. Ф. 1572. Оп. 5. Д. 1. Л. 62.].

Тем не менее, по итогам 1949 года партийное руководство Строительства 501 особо отмечало комсомольцев Надыма. Протокол партконференции сообщал: «Наиболее показательно участие комсомольцев в производственной жизни строительства — комсомольской организации СММК (Строительно-монтажная механизированная колонна) Надым — секретарь комитета ВЛКСМ т. Перешеина, и комсомольской организации 1 железнодорожного района — секретарь комитета т. Победоносцев.

Подавляющее большинство руководящих работников СММК-Надым, комсомольцы благодаря правильной организации трудового процесса среди заключенных, повседневного шефства над механизмами и организации контрольных постов — план III квартала выполнен на 104,2%, по ВГС (завершенным работам) на 141%, а за октябрь месяц на 188%. Условная экономия средств по капиталовложениям на 1 ноября составила 1046 тыс. руб.

Среди комсомольцев — прорабов, десятников развернулась действенная борьба за качество выполняемых работ. Соревнуясь за качество строительных работ чл. ВЛКСМ Дергачев заслужил звание лучшего десятника 6 отд. (СММК-Надым). Его работы всегда отличаются высоким качеством и сверхсрочным выполнением.

Кроме этого, комсомольцы 6 отделения (Надым) активно участвовали в обустройстве поселка путем воскресников. Ими были построены магазин, столовая, штаб дивизиона, частично штаб конторы, заготовлено 200 куб. дров и расчищена территория около служебных помещений [ГАСПИТО. Ф. 1572. Оп. 5. Д. 1. Л. 61.].

По итогам 1949 года на основных работах удалось добиться от строителей заключенных (называемых в документах «контингентами») производительности труда в 124% от плана. Это было на 24% больше, чем в 1948 году [ГАСПИТО. Ф. 1572. Оп. 5. Д. 1. Л. 6.].

Любопытным на фоне наших представлений о режиме содержания заключенных на строительстве дороги выглядят некоторые заявления участников. Так один из делегатов партийной конференции, Лихолетов в январе 1950 года говорил: «К великому сожалению, многие хозяйственные руководители, а в особенности аппараты производственного сектора видят в себе работников строительных трестов, а не работников тюрьмы, лагеря. За пестротой цифр забыли, что все кубы, цифры, планы могут быть удвоены и утроены там, где для рабочей силы созданы нормальные условия, барак, где живет рабочий — чист и теплый, рабочему предоставлен нормальный отдых, готовится сытная и вкусная пища, там, где рабочему контингенту своевременно выдается сезонное и качественное обмундирование, там, где политмассовая, воспитательная работа стоит на должном уровне. Вот эти требования Министра и не выполняют многие из руководящих работников нашего лагеря» [ГАСПИТО. Ф. 1572. Оп. 5. Д. 1. Л. 7.].

Далее Лихолетов поставил в вину начальникам колонн, что они «упорно не хотят выполнять категорические приказы Министра и приказы руководства Управления об обязательном предоставлении рабочему контингенту 4-х выходных дней в месяц». Несколько работникам интендантской службы Лихолетов указал на то, что они допустили «оставления заключенных без хлеба», что «задолженность по хлебу в 3-м отделении — 3–5 дней». Он же задал участникам конференции риторический вопрос: «Почему почти на всех колоннах обеспеченность посудой для питания всего на 30–40%, и рабочие вынуждены принимать пищу

без ложек, стоять, ждать очереди, в результате чего часто задерживаются разводы или пища принимается не полностью?»

Тот же делегат настаивал и на «соблюдении социалистической законности» в зонах: «Я не буду говорить о многих фактах недисциплинированности, хулиганства и пьянства, которые разрешают себе бойцы и сержантский состав ВСО. Я хочу привести факты рукоприкладства, издевательства, которые процветают в некоторых лагерных подразделениях. За период с ноября месяца КВО (культурно-воспитательный отдел) известно:

по ЦПП было 12 случаев избиения заключенных;

в 5 лаготделении — 18 случаев;

в 3 лаготделении — 11 случаев;

по судорембазе — 9 случаев;

в ДОК-2 — 5 случаев и т. д.

Мне кажется, что это очень серьезный сигнал, и он обязывает коммунистов с полной силой обрушиться на людей, позорящих форму советского чекиста» [ГАСПИТО. Ф. 1572. Оп. 5. Д. 1. Л. 76, 77.].

О жилищных и других проблемах охранников на первой партийной конференции партийной организации Обского ИТЛ и строительства № 501 МВД говорил старший инструктор политчасти ВСО Ридерман: «Жилплощадь достигает* [на 1 человека] 1 кв. м и 0,6 кв. м (2 отряд, 4-й отряд) в то время как начальники отделений построили себе особняки. Неважно обстоит дело с питанием и обмундированием, нередко ассортимент продуктов з/к отпускается лучше, чем личному составу ВСО, солдатам не предоставляются выходные дни / Нач. 1-го отд. Валкин/, не выплачивается за переработку. Тов. Мельцер дал указание предоставлять отпуска личному составу ВСО по истечению года» [ГАСПИТО. Ф. 1572. Оп. 5. Д. 1. Л. 79.].

Начальник санчасти 4-го отделения Лазарев на 1-й партконференции Строительства 501 отмечал, что, что среди руководящего состава «сильно процветают пьянки, как-то начальники колонн Попов, Терехов, зам. нач. ЭМЧ Ерохин и другие. Складывается впечатление, что отделение состоит из одних пьяниц...». Продолжая говорить о проблемах, выступающий сообщил: «В 4-м отделении тяжелый быт, много вольнонаемных работников заражены венерическими

болезнями, главным образом ВСО, недостаточная жилплощадь, отсутствие бани, радио и т. п. Все это способствует пьянкам, хулиганству и т. д.». Заканчивая выступление, начальник санчасти добавил: «У нас еще нет достаточного лазарета для заключенных. Нет стационара для вольнонаемного состава, особенно для беременных женщин» [ГАСПИТО. Ф. 1572. Оп. 5. Д. 1. Л. 82.].

Для ликвидации побегов и пресечения нарушений лагерного режима при Строительстве 501 существовал специальный оперативный розыскной отряд, члены которого, как и обычные охранники не могли похвалиться ни бытовыми, ни производственными условиями. Так делегат партконференции Перерва, сообщая, что отрядом за год «было задержано очень много заключенных, спецпереселенцев и т. д.», жаловался на то, что оперативники до сих пор не имеют помещения, что летом им дали «будки, в которых живут 6 человек». Резюмировал он так: «Нужно сказать, что лошади в Лабитнангском ПРОЛПе живут в лучших условиях, нежели личный состав опергруппы. ... Собак до сих пор нет. Обращались за помощью в 1-й отдел к тов. Полонскому, но он сказал, что вы не наши и обращайтесь в Коми АССР» [ГАСПИТО. Ф. 1572. Оп. 5. Д. 1. Л. 82.].

Короткий фрагмент выступления на партконференции делегата Тарханова отражает печальные детали бытности заключенных: «В 1949 году в первом отделении убитых больше, чем умерших. ... В ноябре месяце во втором отделении были случаи, когда людей выводили на работу до рассвета, приводили к объектам, и конвоиры ложили их на снег до прихода рассвета» [ГАСПИТО. Ф. 1572. Оп. 5. Д. 1. Л. 88.].

В истории стройки остается нераскрытым вопрос о ее влиянии на местное, в том числе и на коренное население, на взаимоотношения строителей с ним и с местными властями. На первой партийной конференции партийной организации Обского ИТЛ и строительства № 501 МВД высказался, в частности, секретарь Ямало-Ненецкого окружного комитета партии Иванов. В своем небольшом выступлении он привел несколько случаев, встревоживших местное население и региональные власти: «Были факты, когда отдельные товарищи в нетрезвом виде появляются в городе. Горо-

жане рассматривают это как компрометацию органов. ... У реки Вайчуганки* [*В протоколе ошибка. Местные жители обычно называют эту реку Васюганка. Официальное название — Усть-Еган] в семи километрах от Салехарда недавно было ограбление обоза, следующего в город. При этом увели 4 оленей и украли рыбу. В связи с этим колхозники отказываются доставлять грузы в город Салехард. На барже № 259 осенью было убийство и ограбление. Последствия таковы, что товарищи работники НИРПа (Нижне-Иртышское речное пароходство) отказываются работать в этих местах.

Надо особенно чутко относиться к местному коренному населению. Мы не можем не вмешиваться в политмассовую работу среди местного населения в отдаленных пунктах. В местечке Уренгой мы мало проводили работы, и не было проведено работы со стороны работников строительства. Так что у местного населения создался страх перед подразделениями строительства, вызванный незаконными действиями отдельных заключенных, имеющих право свободного хождения.

Наши взаимоотношения с местным населением должны быть урегулированы. Мы решили ряд районных центров приблизить к железнодорожной линии, а такое поведение может толкнуть людей наоборот уходить дальше от железной дороги.

Нарушаются взаимоотношения наших местных организаций с отдельными отделами строительства, так как последними не выполняются сроки выполнения взятых обязательств. Местные организации оказали строительству помощь, а строительство обещаний не выполнило. Уголь в количестве 500 тонн, отданный нами взаимнообразно строительству, полностью мы не получили, получили только 130 тонн и вынуждены в данный момент прекратить работу» [ГАСПИТО. Ф. 1572. Оп. 5. Д. 1. Л. 110, 111.].

О проблеме во взаимоотношениях с местными людьми и организациями говорил на партконференции и делегат Карасёв: «Имеется немало отрицательного во взаимоотношениях с местным коренным населением и организациями, которые хотя и находятся в подчинении Управления строительства, но так или иначе обеспечивают и активно помогают строительным и лагерным подразделениям. Вот несколь-

ко фактов: в проектно-изыскательской партии Шестопалова — воровство в ненецком чуме и попытка угнать оленей. В партии Краснодемского растащили и сожгли постройки, обреза́ли электропроводку, лишив света и рабочее помещение, и общежитие. И другие факты, вроде сбрасывания в реку бурового оборудования» [ГАСПИТО. Ф. 1572. Оп. 5. Д. 1. Л. 128.].

Проблему взаимоотношений строителей с местными людьми отражает и следующий фрагмент. На закрытом комсомольском собрании первичной комсомольской организации 2-го лагерного отделения (г. Салехард) 12 мая 1949 года разбира́лось дело об утере комсомольского билета неким Игорем Лукьяновым. Между всем сказанным по этому поводу проскользнуло замечание секретаря организации Задорина, характеризующее настроения салехардцев: «Товарищ Лукьянов, потеряв комсомольский билет, потерял ключ к сердцу комсомола в городе, где большинство населения настроено против нас, комсомольцев и коммунистической партии. Одно это усугубляет его поступок» [ГАСПИТО. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.].

Выступивший на первой партийной конференции партийной организации Обского ИТЛ и строительства № 501 МВД начальник строительства 501 Самодуров признал целый ряд высказанных перед этим замечаний. Отметив, что присутствующий на конференции представитель ГУЛАГа Коробов в целом «достойно оценил труд изыскателей и строителей Заполярной магистрали», Самодуров, в частности признал существующую проблему растрат и хищений товаро-материальных ценностей. Второй из самых важных проблем начальник строительства назвал «нарушение социалистической законности». Он отметил: «...мы имеем ряд случаев, когда на колоннах избивают заключенных, лишают их элементарных прав и возможностей, предоставленных заключенным в лагере. Делается это и колонной администрацией, и работниками военизированной охраны и надзирательским составом».

Следующей проблемой, на которую отреагировал Самодуров, стала бытность охранников. Начальник строительства остановился на вопросе «о недостаточном проявлении заботы о быте вольнонаемных сотрудников и работников охраны». Он резюмировал: «Суще-

ствующий порядок очередности строительства помещений на колоннах, в отделениях надо изменить. Надо установить в этом деле такой порядок, который бы обеспечил своевременное удовлетворение бытовых нужд вольнонаемных сотрудников и работников охраны лагеря и строительства».

Уделил внимание Самодуров и вопросу «о сохранении контингентов в зимний период и об обеспечении их нормальными бытовыми условиями и медико-санитарным обслуживанием главным образом на восточном участке трассы и особенно на вновь организовываемых колоннах» [ГАСПИТО. Ф. 1572. Оп. 5. Д. 1. Л. 115,116.].

Делегат Карасёв обратил внимание на проблему бесчинств уголовников в среде простых заключенных-работяг. Он сообщил, что «первые освоенческие отряды выбрасываются даже без палаток и необходимого ассортимента продовольствия», что «в одной из колонн в лагерном городке фактическое командование начальника и прораба передано какой-то десятке головорезов, что главари этой десятки безнаказанно отбирают от бригадиров премиальные, выдаваемые для выплаты членам бригад этой колонны» [ГАСПИТО. Ф. 1572. Оп. 5. Д. 1. Л. 128.].

Комсомольцы в отличие от так называемой несоюзной молодежи обязаны были нести общественные нагрузки и многие их успехи и неудачи обсуждались на комсомольских собраниях. Одним из бичей комсомольцев на Строительстве 501, как, впрочем, и многих других граждан СССР, была любовь к алкоголю и сквернословие. Иде́йная борьба с этим велась постоянно. Типичным, например, было выступление комсомольца Турубанова на собрании комсомольской организации лагпункта № 59 31 августа 1953 года: «Поваров — пьяница и он же допускал сны на посту. Этот товарищ хорошее видит в водке и жизнь строит так, как бы больше выпить. ...Пряте́лем его по водке является Петров. Он активный комсомолец, но имеет страсть к спиртным напиткам, и это портит его поведение. Если сказать о комсомольской организации, то прошло уже полмесяца, а добились еще мало. Не налажен выпуск стенгазет, мало сделала комсомольская организация по организации культурного досуга. Комсомольцы, как Канев допускают

мат в разговоре». Упомянутый Канев покаялся сразу же: «На самом деле у меня в разговоре мат встречается. Это у меня вошло уже в привычку, и сам не замечаю, как все выходит. В дальнейшем буду следить за своей речью, а что касается службы и дисциплины, то будет только отлично» [ГАСПИТО. Ф. 1513. Оп. 7. Д. 10. Л. 10, 11.].

Отношения на Строительстве 501 охранников и надзирателей с заключенными в историческом сознании несколько демонизированы. Свидетельствами этого являются строки документов, разоблачающих ненормативную связь служителей пенитенциарных заведений Приполярья с их подопечными. Вот типичный пример. На закрытом комсомольском собрании ОЛП-7 13 июня 1952 года выступал некто Соловков: «Главная задача у надзорсостава — это режим и изоляция. Обидно становится то, что наши люди, как ВСО, так и вольнонаемный состав проносят в зону спирт. Как, например, надзиратель Минин дал одному заключенному 0,5 литра за пошив сапог. Конюхов, Татаркин, бывший секретарь парторганизации Звягин и многие другие просто способствуют пьянке заключенных и тем самым усложняют работу надзирательского состава. Однако командование не замечает работу надзорсостава, и никому не объявили благодарности за предупреждение четырех групповых побегов».

В критике начальства Соловкова поддержал комсомолец Горшков: «Немного коснусь подкомандировки, так как я там нахожусь. Сколько к нам не приезжали, взять старшего лейтенанта Механошина. Он был у нас, а несением службы даже и не думал заняться, все время на охоте находился, никаких мероприятий с личным составом не проводил. Так же и начальник ОЛПа приехал, посмотрел, что делают заключенные, а не поинтересовался, даже не зашел в помещение к солдатам. Послали туда надзорсостав на исправление или просто на смех? Здесь он им проносит спирт в зону, а там он вообще ничего не делает этот Минин» [ГАСПИТО. Ф. 1573. Оп. 3. Д. 9. Л. 4.].

Далее мы предлагаем пространную выписку из протокола одного из собраний комсомольского актива Обского ИТЛ и Строительства 501, в котором перечислены наиболее типичные служебные грехи охранников и надзирателей, состоявших в комсомоле:

«Товарищи, в результате неудовлетворительного состояния идейно-воспитательной работы в 1950/51 учебном году мы имеем много случаев грубых аморальных проступков со стороны комсомольцев и молодежи, нарушений по службе, побегу, нарушение советской законности, связь с заключенными...

Привлечено к судебной ответственности за первое полугодие 1951 года членов ВЛКСМ 4 человека. Исключено из членов ВЛКСМ 11 человек.

Нарушений дисциплины среди солдат ВСО за первое полугодие 1950 года было 149, а в 1951 г. только за второй квартал первого полугодия мы имеем по неточным данным 268 нарушений по службе. Так, например: 9 отряд 114 нарушений, 5 отряд 76 нарушений, 1 отряд 47 нарушений, 4 отряд — 31.

Характерным проступком комсомольцев являлись:

1. Пьянка
2. Сон на посту
3. небдительное несение службы
4. Халатное отношение к службе
5. невыполнение приказа
6. Самовольная отлучка

Так, например, рядовой 8-го взвода 4 отряда Петров совершил самовольную отлучку на женскую колонну, где пробыл 7 суток. Командир отделения Доля, будучи на службе, напился пьяным, устроил дебош, поднял беспорядочную стрельбу.

Комендантский взвод — сержанты Тищенко и Новиков, будучи в городском отпуске, учинили драку в пьяном виде с работниками милиции.

1-го июня 1951 года рядовой Гусев при распитии спиртных напитков отравился и умер, до этого имел самовольные отлучки, систематические выпивки.

23 апреля командир 7 взвода младший лейтенант Канюк в пьяном состоянии явился во взвод для инструктажа наряда. По возвращению из взвода прибыл на квартиру старшины Толмачева и в присутствии его жены нанес ряд оскорблений тов. Толмачеву. 29 апреля Канюк, будучи пьяным, в 3 часа ночи ворвался в квартиру надзирателя.

30 апреля дежурный по вахте Алексеев отобрал у заключенного 0,5 л водки, а Канюк отобрал у Алексеева и распил ее. 1-го мая сам Канюк напился пьяным и во взводе устроил

коллективную пьянку, после чего Канюк избил рядового Алексеева.

Помимо этого Канюк проводил развратное сожителство с вольнонаемным поваром Чупровой.

Рядовой 2 взвода Итальянкин 16 мая 1951 г. в пьяном виде произвел самострел, а до этого имел ряд нарушений по службе, дисциплине и систематические пьянки.

Ввиду политической безграмотности отдельные секретари комсомольских организаций расходуют на личные нужды членские взносы. Как я уже сказал выше, секретарь комсомольской организации т. Малиновский, который растратил 385 руб. от собранных членских взносов. Такое же положение имело место в комсомольской организации ЦРМ» [ГАСПИТО. Ф. 1573. Оп. 4. Д. 5. Л. 43, 44.].

Цитаты из документов подобраны нами в той смысловой пропорции, в какой они содержатся в самом массиве документов, исключая

описания технологии строительства и длинные, порой на несколько страниц шаблоны о роли и задачах партии, комсомола и всего советского народа.

Обилие сетований и обличений недостатков было характерно для всех низовых властных органов, средств массовой информации и всех общественных собраний. «На низах», то есть на всех уровнях, кроме самого высшего, республиканского и всесоюзного говорилось в основном о недостатках и борьбе с ними. Во главу угла низовой общественной жизни ставились критика и самокритика. И только на высшем уровне превалировали речи о достижениях. Получалось, что, судя по содержащимся в архивах протоколам и отчетам, дела на местах в стране шли со скрипом, надрывом и сбоями, а в итоге достигались и освещались великолепные результаты.

В принципе, в истории со Стройкой 501 получилось также.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ГАСПИТО. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 2.
ГАСПИТО. Ф. 1513. Оп. 7. Д. 10.
ГАСПИТО. Ф. 1572. Оп. 5. Д. 1.
ГАСПИТО. Ф. 1573. Оп. 3. Д. 9.
ГАСПИТО. Ф. 1573. Оп. 4. Д. 5.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЯМАЛА ПО МАТЕРИАЛАМ ДОКУМЕНТОВ
ГБУТО ГА В Г. ТОБОЛЬСКЕ (ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ)

Коклягина Т.Ю.

Материалы по истории Ямала в ГБУТО ГА в г. Тобольске весьма обширны. Исходя из обусловленности степени достоверности источника породившей его социальной средой, наиболее точными могут быть признаны документы административных учреждений, которые представляют достаточно подробную картину жизни Обдорского севера до революции.

Документы этого комплекса освещают суть общего руководства и надзора за деятельностью учреждений губернии и уездов и то, как осуществлялось исполнение постановлений и решений административных и судебных властей губернии.

В фонде «Тобольское губернское управление» есть сведения о заселении рек Надыма и Ныды [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 42. Д. 252], о преобразовании населенных пунктов (села Обдорского в город) [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 633], об образовании отдельной Обдорской волости [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 40. Д. 27].

В фонде «Тобольская казенная палата» хранится богатый картографический материал, где представлены как карты Березовского округа, состоящего из трех отделений: Сургутского, Кондинского, Обдорского 1824 г., так и геометрические планы сел (например, план с. Обдорского Березовского округа с показанием торговой ярмарочной площади 1846 г.), рыбных песков Комарьего, Мелексимского, Пузулановского, Куноватского, Тугьянского 1891 г. и пр. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-154. Оп. 21. Д. 81, 86, 91, 92, 94, 98, 109]. Эти материалы являются синкретическим историческим источником, т. к. они создавались на основе официальных административно-фискальных сведений, картографических изысканий составителей и географических знаний русского и коренного населения.

Административно-территориальное деление наиболее полно за этот период представлено в различных архивных фондах, в том

числе «Тобольский статистический комитет», где имеются списки населенных мест, в которых указано название волостей и населенных мест, расстояние в верстах от уездного города и волостного правления, а также число дворов и жителей мужского и женского пола 1900–1914 гг. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-417. Оп. 1. Д. 203, 211, 222, 238, 255, 273, 390, 391, 403, 490, 587, 516].

Документы о деятельности судебной власти на данной территории представлены в фондах Тобольского губернского управления, Тобольского губернского правления, Березовского окружного суда, фонды мировых судей Березовского уезда 1-го и 2-го участков и иллюстрируют деятельность приставов [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 17. Д. 36; Оп. 51. Д. 33; Ф. И-158. Оп. 15. Д. 1380] и окружных судов [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 31. Д. 1292; Ф. И-329. Оп. 2. Д. 151]. Они представлены журналами заседаний окружных судов, следственными делами уголовного и бытового характера, указами и предписаниями Министерства юстиции и дают некоторое представление о специфической практике судебного делопроизводства в окружных судах Березовского уезда. Данные фонды содержат документы 1789–1918 гг. о перемещениях населения, назначении управляющих, убийствах, о наследовании и продаже имущества [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 27. Д. 47; Оп. 31. Д. 473, 948; Оп. 33. Д. 596; Оп. 40. Д. 18. Ф. И-154. Оп. 15. Д. 966; Оп. 24. Д. 13; Ф. И-329. Оп. 5. Д. 486, 788; Ф. И-360. Оп. 1. Д. 12; Ф. И-378. Оп. 1. Д. 183; Ф. И-421. Оп. 1. Д. 311].

Исполнительная власть в лице местного самоуправления представлена книгами Обдорской инородной управы о назначениях управляющих [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 31. Д. 1113], о выдаче различных свидетельств [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-154. Оп. 12. Д. 458], о недоимщиках [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 47. Д. 102], доку-

ментами об устройстве помещений для управы [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 44. Д. 84, 157; Ф. И-353. Оп. 1. Д. 227, 881], рапортами городничих [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-329. Оп. 13. Д. 530].

Интерес представляют дела по предписанию Березовского окружного исправника о проведении следствия по выявлению виновных лиц в распространении ложных слухов о предстоящем нашествии на с. Обдорское инородцев и самоедов 1884–1886 гг. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-531. Оп. 1. Д. 22], по предписанию Генерал-губернатора Западной Сибири о беспорядках и злоупотреблениях в Обдорске 1860–1861 гг. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 39. Д. 74] и об инородцах Березовского края, намеревающихся во время Обдорской ярмарки учинить бунт 1826–1827 гг. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 41. Д. 8].

О том, как осуществлялось административно-полицейское управление на местах, дают представление документы архивного фонда И-152 «Тобольское губернское управление», где имеются формулярные списки служащих Березовского военно-окружного управления 1858–1860 гг. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 32. Д. 1; Оп. 36. Д. 563; Оп. 38. Д. 173, 188, 195], иллюстрирующие деятельность военно-окружного управления. Об участии жителей Ямала в Первой Мировой войне документы представлены в архивном фонде И-755 «Березовская уездная милиция», где содержатся сведения о составлении призывных списков и принятия на учет всех наличных проживающих в г. Березове и в пределах уезда молодых людей, родившихся в 1898 и 1899 гг. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-755. Оп. 1. Д. 7].

Функционирование полицейских органов также прослеживается по архивным фондам И-152 «Тобольское губернское управление», И-154 «Тобольская казенная палата», где хранятся дела о недовольствии Зырянского населения в с. Обдорском против торговцев и служащих полиции [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 34. Д. 1061], ведомости о службе полицейских [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-154. Оп. 10. Д. 640]. Фонд И-171 «Березовское уездное полицейское управление» содержит дела о состоящих под надзором по-

лиции, водворенных в с. Обдорском и окрестностях [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-171. Оп. 1. Д. 60, 61, 62, 141, 167, 168, 169, 176, 188, 192, 198; Ф. И-152. Оп. 18. Д. 111].

О деятельности милиции в Обдорском крае сведения достаточно скудны и представлены лишь двумя делами в фонде И-755 «Березовская уездная милиция» о службе младшего офицера и о незаконном аресте 1918–1919 гг. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-755. Оп. 1. Д. 22, 72].

Экономика края представлена в фонде «Губернского управления» и в одном из самых содержательных в этом отношении — фонде Тобольской казенной палаты, где хранятся документы о финансово-хозяйственном состоянии края. Можно выделить как документы общего характера, например, дело об открытии казначейства в с. Обдорском Березовского уезда 1918 г. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-154. Оп. 18. Д. 226], так и частного, например, дело по рапорту Березовского земского суда о назначении пособия обдорскому князю Тайшину 1866–1867 гг. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 39. Д. 133] и другие о назначении пенсий, наград, предоставлении льгот, взыскании долгов [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-68. Оп. 1. Д. 230; Ф. И-152. Оп. 31. Д. 974; Оп. 39. Д. 35; Оп. 44. Д. 468; Ф. И-156. Оп. 3. Д. 2051; Оп. 4. Д. 2366].

Особый интерес для получения сведений о практике торговли представляет описание Обдорской ярмарки составленное Березовским военно-окружным начальником Колпаковским 1857 г. ГБУТО ГА в г. Тобольске [Ф. И-417. Оп. 1. Д. 638], сохранившееся в архивном фонде «Тобольский статистический комитет».

Немаловажную роль в развитии торговли играло дорожное сообщение, для исследования сухопутной дороги из Обдорска до Югорского Шара в 1882 г. был направлен коммерсант Сибиряков-Пожемский, о чем свидетельствует дело по рапорту Березовского окружного исправника о приезде этого доверенного коммерсанта [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 42. Д. 310].

В особую группу можно выделить документы о хлебозапасных магазинах, так как они являлись системой для предотвращения голода. Сохранились списки должников,

книги прихода и расхода магазинов 1890-х гг. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 40. Д. 197; Оп. 44. Д. 204; Ф. И-329. Оп. 7. Д. 9, 20; Ф. И-561. Оп. 1. Д. 1, 2], что дополняет демографические источники по изучению Тобольского севера, в них хранятся именные списки инородцев по запискам ссуд и долгов в хлебозапасных магазинах.

О сословном составе населения, внутренней миграции северных народов и отношении к ним властей дают представление указы и предписания Сената, Главного магистрата и Тобольского наместнического правления, сообщения и донесения Тобольской казенной палаты. В архивном фонде «Тобольская казенная палата» имеются ценнейшие сведения о количестве и составе населения по ревизским сказкам об остояках Березовского округа, в состав которого входила современная территория ЯНАО за 1782 г. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-154. Оп. 8. Д. 43, 44], 1795 г. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-154. Оп. 8. Д. 72, 270], 1816 г. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-154. Оп. 8. Д. 404], 1850 г. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-154. Оп. 20. Д. 9] Они содержат сведения о движении населения, истории возникновения и роста сел, городов, о социальном, возрастном и половом составе жителей севера.

Кроме того, имеются документы к окладным книгам по Обдорской волости 1860-х гг., которые позволяют выявить именную информацию по населению [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-154. Оп. 16. Д. 58, 77].

Особый блок документов представляют сведения о ссыльных. Они включают как именные списки ссыльных, так и сведения о численности, медицинском обслуживании, актах гражданского состояния, перемещениях, образе жизни ссыльных за 1837–1904 гг. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 8. Д. 66; Ф. И-154. Оп. 16. Д. 131; Ф. И-171. Оп. 1. Д. 11, 31; Ф. И-159. Оп. 1. Д. 186; Ф. И-329. Оп. 1. Д. 29; Оп. 3. Д. 157; Ф. И-531. Оп. 1. Д. 10; Ф. И-531. Оп. 1. Д. 23; Ф. И-699. Оп. 1. Д. 24, 25].

Малоизученные территории всегда привлекали исследователей, поэтому научная жизнь Обдорского севера в основном представлена содействием экспедициям, что отражено в документах о представлении к награждению за содействие научным экспедициям в

исследовании Полярного Урала [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 23. Д. 233, 241], а также по приглашению Сибирских пароходо-владельцев к снаряжению пароходов для экспедиции [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 42. Д. 216]. Кроме того, в 1877 г. в с. Обдорском была установлена метеорологическая станция, о чем свидетельствуют рапорты Березовского окружного исправника [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 33. Д. 118].

Образование в Обдорске представлено в фондах «Тобольское губернское управление», «Тобольское строительное отделение», «Управление земледелия и государственных имуществ Тобольской губернии», «Инспектор народных училищ 1-го района Тобольской губернии».

К 1851 г. относится дело об отводе места под училище в крепостце Обдорской для инородческих детей [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 31. Д. 532].

Затем появляются документы об образовании церковно-приходской [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-353. Оп. 1. Д. 454] и миссионерской школ [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1288], о перемещении учителей [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 48. Д. 24, 297] и об устройстве рыбной школы [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 343], к началу XX в. относится и деятельность Обдорского училища [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 84].

Важной стороной жизни населения являлась духовная составляющая. О строительстве церквей [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 134, 1413; Оп. 3. Д. 1723; Оп. 4. Д. 2577; Оп. 5. Д. 1729; Оп. 7. Д. 762, 1973; Оп. 9. Д. 1772; Оп. 11. Д. 979, 980, 981, 1843; Оп. 18. Д. 422, 551, 1070, 1261; Ф. И-353. Оп. 1. Д. 261, 388; Ф. И-698. Оп. 1. Д. 5], о назначениях и переводах священников [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 1939, 2056, 2057, 2171; Оп. 2. Д. 1328, 2624, 3049, 3089; Оп. 3. Д. 195, 230, 969, 1017, 1081, 1221, 1911, 1989, 2346, 2351, 2961; Оп. 4. Д. 1096, 1924, 2093, 2094, 2207; Оп. 5. Д. 981, 1770; Оп. 7. Д. 1284; Оп. 8. Д. 610, 1736; Оп. 10. Д. 1012, 1039, 1115; Оп. 11. Д. 537, 780, 1693; Оп. 18. Д. 440, 636; Оп. 19. Д. 53, 54, 60, 63, 64], о крещении остояков [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 800, 1978, 2566, 2955; Оп. 2. Д. 2754; Оп. 3. Д. 123, 1211, 1399,

2047; Оп. 6. Д. 1287, 1684; Ф. И-705. Оп. 1. Д. 2], о причислении к приходам [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 2046; Оп. 4. Д. 1492, 1687, 1996; Оп. 5. Д. 710], о финансовой составляющей деятельности церкви [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 379; Оп. 6. Д. 1043; Оп. 18. Д. 130, 814; Ф. И-704. Оп. 1. Д. 84, 88, 167] сведения представлены в фонде «Тобольская духовная консистория», И-703 «Хэнский миссионерский стан», И-704 «Обдорская Петропавловская церковь», И-698 «Обдорский временный комитет по устройству церкви», И-57 «Канцелярия Епископа Тобольского и Сибирского».

Документы христианизации народов севера, характеризующие политику российского государства в отношении инородцев представлены деятельностью Обдорской духовной миссии [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-57. Оп. 2. Д. 279; Ф. И-58. Оп. 1. Д. 9; Ф. И-144. Оп. 1. Д. 45а; Ф. И-152. Оп. 27. Д. 157; Ф. И-156. Оп. 11. Д. 765, 815, 824, 872, 939, 1677, 988, 1043, 1091; Ф. И-703. Оп. 1. Д. 2, 4, 6, 8, 10, 11, 13; Ф. И-704. Оп. 1. Д. 45], которая кроме вовлечения коренного населения в православие и укрепление позиций русского государства на этой далекой территории, осуществляла первые шаги в области просвещения. Многочисленные документы этого фонда отчеты и доклады миссионеров, путевые журналы отражают сложный процесс христианизации: борьбы и противоречий коренных народов за языческие капища. Деятельность миссионерских станов и церковных организаций нашла свое отражение в документальных источниках фонда Тобольского епархиального комитета православного миссионерского общества [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1107, 1108] и в фонде Хэнского миссионерского стана [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-703. Оп. 1. Д. 1–18]. Журналы заседаний миссионерских обществ, приходно-расходные книги Обдорской духовной миссии, указы Тобольской духовной консистории и настоятеля Обдорской миссии еще более полно раскрывают исторические и национальные особенности и традиции аборигенов северных окраин и вероломство миссионеров в их стремлении уничтожить культуру малых народностей.

Наиболее ранний документ о истории строительства в Обдорске, хранящийся в То-

больском архиве датируется 1746 г. Это дело об освящении в Обдорском остроге новой деревянной церкви святого Василия Великого, которую построил Василий Алексеевич Тайшин, в нем представлены рапорты и промемории митрополиту Тобольскому и Сибирскому Антонию и в Сибирскую губернскую канцелярию [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 234].

Большое значение имеют церковные демографические источники фонда Тобольской духовной консистории в связи с ростом интереса составлению родословных. Метрические книги и исповедные росписи Березовского уезда 1729–1862 гг. частично сохранились в Тобольском архиве [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 84; Ф. И-700. Оп. 1. Д. 1–5].

Особо можно выделить дела об обнаружении в с. Обдорском Березовского ведомства секты скопцов 1870 г. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1052], об открытии женского монастыря в Обдорской волости Березовского ведомства 1913 г. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 1076] и исторические записки по истории церквей с. Обдорского [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-704. Оп. 1. Д. 17].

Фонд И-161 «Тобольская губернская больница» и И-352 «Тобольское врачебное отделение» дают обширные сведения о состоянии врачебного дела на Обдорском севере. Здесь документы и о назначении врачей [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 31. Д. 854; Оп. 35. Д. 561; Ф. И-352. Оп. 1. Д. 226, 238(1), 243, 289, 1281, 442, 475, 762, 1764; Оп. 2. Д. 9, 10, 259], и финансовые документы медицинских учреждений [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 40. Д. 216, 238, 245, 249, 256, 280; Оп. 43. Д. 99, 112; Оп. 47. Д. 213; Оп. 56. Д. 10, 23], и документы некоторых пациентов [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-161. Оп. 1. Д. 3434; Ф. И-352. Оп. 2. Д. 122], и отчеты врачей [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 342, 371, 710, 728, 886, 984, 1063, 1167, 1381], и сведения о строительстве больниц, лечебниц и аптек [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 112, 478, 552, 781, 1073] за 1852–1919 гг.

Охотничий и рыболовный промысел коренного населения также находит отражение в документах. Если в XIX в. это индивидуаль-

ная деятельность [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 39. Д. 47, 106; Оп. 41. Д. 418; Оп. 42. Д. 186; Ф. И-185. Оп. 1. Д. 6], то в начале XX в. существовало уже общество потребителей «Приполярный край» [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1381].

Оленеводство представлено лишь в деле о падеже оленей в 1864 г. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 39. Д. 124] и о предоставлении отсрочки оленеводам в 1917 г. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-455. Оп. 1. Д. 115].

Корчемство вином процветает и с 1866 г. это подтверждают документы ГБУТО ГА в г. Тобольске. Встречаются дела о найме помещения по винную лавку, о назначении продавцов и др. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 41. Д. 353; Оп. 42. Д. 191; Ф. И-583. Оп. 1. Д. 916, 985, 998, 999, 1068].

Почтовое сообщение с севером имело некоторые особенности в связи с характером климата, но это не останавливало пересылку корреспонденции, о чем свидетельствуют дела об открытии почтового сообщения, о содержании почтового отделения и др. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 43. Д. 59; Оп. 44. Д. 85, 127].

Встречаются и курьезные дела. Например, дело по жалобе инородцев о жестоком к ним обращении заседателя Обдорского отделения 1846 г. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 31. Д. 82]. Первоначально кажется, что все очень просто, что земский заседатель Зиновьев по долгу службы призванный защищать инородцев, обижал их. Но при ближайшем рассмотрении все оказывается значительно сложнее.

Для начала необходимо разобраться в служебном положении. Дело по жалобе возбудил Земский исправник. И земский исправник, и заседатель входили в состав Земского суда. Земский исправник фактически являлся начальником земской полиции, а заседатель — ее исполнительным чиновником. В ведении заседателей находились: охрана спокойствия и порядка, дознание о разных происшествиях и проступках, розыск преступников, преследование нарушителей, наблюдение за исполнением паспортного режима, ввод во владение имуществом, исполнение решений по уголовным и гражданским делам.

В рапорте земский исправник Кучерде-

ев А. Ф. Тобольскому Гражданскому губернатору сообщает, что от многих ватаг со стороны самоедов слышал жалобы: «это не камисар (орфография соответствует делу) — как обыкновенно они называют заседателя, а наш обидчик, вместо того, чтобы защищать нас от обид», «делает притеснения нам без всякой причины».

Старшина Ярлу принес словесную жалобу, что заседатель Зиновьев, будучи у него в тундре избил его собственноручно без пощады, а после вынесенного устного порицания от исправника, повторно его избил. Последовало письменное предписание, чтобы г. Зиновьев в обращении с самоедами был повоздержаннее и снисходительнее и никогда никаким видом не позволял себе делать им никаких притеснений и жестокостей.

Далее следует еще одна жалоба от самоеда Илишева, который собравшись в г. Березов для покупки ржаной муки для пропитания семейства своего, по дороге встретил г. Зиновьева, тот отобрал у него двух оленей в свою упряжь, а денег не дал. 5 рублей вскоре вычли из жалования г. Зиновьева.

Затем следует рапорт г. Зиновьева Тобольскому Гражданскому губернатору, в котором сообщается, что тот старшина, который якобы был избит, на самом деле, за захват имущества своих родственников, подвергся взысканию по решению Инородной управы, которая и обратилась к земскому заседателю. Зиновьев указывал и на неправомерные действия своего начальства — исправника А. Ф. Кучердеева, который вскрывал пакеты, адресованные г. Зиновьеву, а затем вновь опечатывал своей личной печатью. В одном из них, исправник увидел предупреждение, что новые жалобы повлекут неприятные последствия для заседателя и сделал новое несправедливое донесение об отобрании оленей и указанием на «нерадение, беспечность и бездеятельность» г. Зиновьева. На самом деле дело обстояло иначе: г. Зиновьев заплатил за собачью упряжку 5 руб. в месте постоя, но проехав 2 версты, увидел самоеда Илишева и предложил ему вернуть собак и забрать 5 руб. за оленей у хозяина постоянного двора, но он их не отдал. Объяснений с заседателя исправник не попросил. Исходя из разницы в донесениях и прекращении дела после объяснения г. Зиновьева Тобольскому

гражданскому губернатору, можно сделать вывод, что дело целиком было сфабриковано исправником А. Ф. Кучердеевым исключительно в своих личных целях.

Таков краткий обзор фондов и документов дореволюционного периода по истории развития Обдорского севера. Представленный обзор

не исчерпывает источниковую базу хранящихся в ГБУТО «ГА в г. Тобольске» документов по изучению Тобольского Севера. Пласт документов для изучения исследователями весьма обширен и позволяет сделать выводы о самых разнообразных сторонах жизни, как о материальной стороне, так и духовной составляющей.

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЯНАО
И МВК ИМ. И.С. ШЕМАНОВСКОГО

Лупатова Л.Ф.

Сотрудничество Государственного архива ЯНАО и МВК им. И. С. Шемановского насчитывает не одно десятилетие, еще тогда, когда оба учреждения имели другие официальные названия. Например, в архиве есть документ за 1939 год «О работе окружного музея», за тот же год — «О поездке директора окружного музея Денисенко в Шурышкарский район» и т. д. За 1943 год — «Об установлении местонахождения и перевозке в Салехард скелета овцебыка». Докладная записка директора окружного музея Денисенко. Наверняка Денисенко работал с фондами архива, так как он изучал историю нашего округа. Насколько я знаю, еще в военные годы проводились совместные выставки в Салехарде.

Наше сотрудничество сказывается даже хотя бы в том, что у нас трудились и трудятся представители одной династии. Анна Михайловна Пушкинова, будучи директором окружного музея, собрала в фонды много материалов, касающихся событий предреволюционных лет и Гражданской войны. Самое главное, она, можно сказать, открыла заново имя Ивана Семеновича Шемановского. Эстафету изучения истории края подхватила ее дочь — Валентина Леонидовна Реусова, почти вся трудовая биография которой связана с Архивом, теперь там трудится внучка Пушкиновой — Зоя Геннадьевна Иванова. Время идет, может быть, кто-то из этой династии будет снова представлять музей.

Впервые я обратилась в наш архив в 1988 году, когда перешла на работу в музей. Тогда я изучала фонд Комитета по Телевидению и радиовещанию, председателем которого был Николай Матвеевич Михальчук, стоявший у истоков этого учреждения. Легендарная личность уже хотя бы потому, что это он оформил мне перевод из Яр-Сале, где я трудилась организатором местного радио. В те годы каждая радиопередача расшифровывалась, потом все это передавалось в архив. Нашла там и тексты,

написанные мною. Весьма любопытно их было читать, хотя бы даже в смысле познания своего становления, как журналиста. По архивам этого фонда можно судить о бурном строительстве нефтегазового комплекса, о сооружении газопроводов, в том числе и «Уренгой—Помары—Ужгород», вдоль которого мне тоже довелось проехать в то время, правда, только до границы с Ханты-Мансийским округом. Новостные передачи постоянно начинались с репортажа об очередном успехе буровиков, строителей и т. д.

Помню, как однажды пришел в редакцию хмурый, чем-то крепко расстроенный Николай Матвеевич и сказал примерно следующее: «Все, мы больше не делаем передач против поворота северных рек на юг. Вопрос решен не в нашу пользу». Слава Богу, что вскоре началась перестройка и проект заглох, хотя в последний год своего правления мэр Москвы Ю. М. Лужков будировал вопрос о продаже вод матушки Оби. Неужели еще когда-нибудь будут об этом говорить? Это мне напомнило о другом могучем проекте — строительстве Нижне-Обской ГЭС. Если бы не найденные нефть и газ, то мы бы сейчас здесь не сидели, а проводили бы это заседание где-нибудь в районе Харпа. Читать эти перепалки, то есть все доводы «за» и «против» очень даже интересно.

Есть у меня такая большая тема, как история строительства железнодорожной магистрали «Чум—Салехард—Игарка». Для меня главным всегда были люди. Их судьбы, отношение к тому или иному явлению, через их восприятие высвечивается для меня суть происходящего. В моем собственном архиве собрано немало воспоминаний заключенных, охранников, вольнонаемных. Я не буду их вам перечислять, хотя некоторые судьбы удивительны.

Конечно, в этом исследовании невозможно обойтись без архивных данных. Я знала, что у Стройки или, как уважительно пишется

в отчете Северной объединенной проектно-изыскательской экспедиции МВД СССР и ГУСМП за 1949–1951 гг. «Строительства», был свой архив, и даже для него было построено специальное здание, в котором вы, уважаемые коллеги, до недавнего времени трудились. К сожалению, я достаточно долгое время была уверена, что там есть только технические отчеты. Для меня большим откровением стала статья сотрудника окружного архива Валентины Леонидовны Реусовой «Железнодорожная ледовая переправа через реку Обь (1949 год)», напечатанная в четвертом номере журнала «Ямальский меридиан» за 2007 в рубрике «История». Там приведены данные из полевого журнала, который вел старший техник Махров, по наблюдению на Ледовой переправе через реку Б. Обь март–апрель 1949 г.

25 марта 1949 г. Да! Сегодня было испытание паровоза Ов в народе его звали «Овечкой». День, как и многие предшествующие, был чудесен. Температура на 6 часов утра минус 0,9°. Едва успели поставить рейки, как с левого берега прошла калужанка, в которой ехал Барабанов и все его сопровождающие представители из Абези, а так же местное руководство. Это было в 10 часу. После возвращения калужанки на левый берег началось испытание. Паровоз со скоростью около 20 км, за которым следили с большим волнением и напряжением, взошел на лед и, мастерски плавно ведомый, совершил первый переход паровоза по столь длинной ледовой переправе. Глаза всех были прикованы ко льду, дающему едва заметные колебания под тяжестью паровоза. Прекрасно. Хотя лед и трещит, но прогиб, зафиксированный нами, достиг всего лишь 5–5,5 см. Ожидали значительно большего... Длина волны около 60 метров. Теперь можно с уверенностью сказать, что задание, данное Барабановым на переброску 250 вагонов, будет, безусловно, выполнено... Надо опасаться только того, чтобы эти успехи не привели к злоупотреблениям, т. е. чрезмерным нагрузкам и их частоте. Необходимо давать регулярную передышку льду для успокоения его, в противном случае большие и частые нагрузки вызовут увеличение амплитуды колебания, и она может превзойти предел упругости льда. Этого надо бояться.

Эта запись в журнале перекликается с вос-

поминаниями Николая Тимофеевича Новикова, который приехал в Салехард 22-х летним парнем после окончания Ростовского института. Он приезжал в Салехард 4 августа 1988 г. на туристском теплоходе «Тобол». Он тогда жил в Кисловодске, и специально поехал на север, чтобы встретиться со своей юностью, посмотреть, что осталось от того, что они строили в 50-е годы, когда ему довелось работать в железнодорожном депо. Сначала я провела экскурсию в музее по экспозиции 501-й стройки, а потом мы прошли, по улицам города (от волнения он забыл даже снять музейные тапочки). Николай Тимофеевич сразу же нашел свое комсомольско-молодежное общежитие, указал на окно их комнаты, хотел проникнуть туда, но его не пустили, потому что сейчас там находится тубдиспансер. Затем пошли по железной дороге до первого моста, (тогда дорога еще была не разобрана) и он показывал и рассказывал, хватался за сердце, пил валидол, снова вспоминал о событиях того времени. Вот что он рассказал мне.

«Из Москвы пришла телеграмма, что нужно провести грузы из Лабытнаног по ледовой переправе через Обь, хотя толщина льда всего метр, а должен быть 1,5. Начальник депо приказывает: «Вы молодой, энергичный, назначаем вас туда руководителем — провести первый поезд. Грузов много скопилось в Лабытнангах». Со мной были заключенные — машинист, его помощник и кочегар. Начальник депо предложил не лезть на передовую, а идти в стороне от локомотива. Честь железнодорожника мне не позволила: как это заключенный будет вести, а я буду в стороне? Это исторический момент (дело происходило осенью 1950 года), это будет меня угнетать всю жизнь, а я поднялся на паровоз. Доехали до половины, как-то еще у того берега лед не проваливался, потом смотрим, а он все больше, больше, больше проваливается. Назад нельзя — там уже весь лед поломан, только вперед. Я крикнул помощнику машиниста, кочегару, чтобы они выпрыгнули. Они прыгали прямо на лед, а он скользкий — они покатались, одеты были в телогрейки. Паровоз был «овечка» — маленький, легкий паровоз, с такой длинной трубой, вагонов шесть с грузом. Мы остались вдвоем в локомотиве, на своем рабочем месте. Когда лед начал прогибаться, я сказал машинисту: «Давай, я встану

за реверс». Он нехотя уступил мне свое место. Опытные машинисты — осторожные люди. Это помешало бы делу. Я же был молодой, горячий, рванул регулятор до конца, открыл полностью пар, и вперед, была, не была — или уйдем под лед, или проскочим».

Сколько минут подвижной состав шел по льду, Николай Тимофеевич не помнит. Ему показалось, что все длилось одно мгновение. «Паровоз с максимальной скоростью проскочил участок пути и выскочил на противоположный берег, на станцию Причальная—Салехард. Здесь уже ждали грузовой состав люди. Когда поезд благополучно прибыл на место назначения, все стали обниматься, поздравлять друг друга. Локомотив и 8 вагонов со стройматериалами, опломбированные, в целостности и сохранности достигли противоположного берега. Там стояло руководство нашего депо, ко мне подскочил начальник станции: «А где помощник? Где же заключенные?» Я говорю: «Я их высадил, приказал им выпрыгнуть». Меня чуть не арестовали. Но заключенные были из числа расконвоированных, отсидевших полсрока. Они ходили по пропускам и могли свободно выходить из колонны, их не охраняли. Как только полсрока отсидивали, особенно железнодорожные колонны, они считались не опасными, не политические. Да и не было смысла убежать человеку, отсидевшему половину».

Зайлик Моисеевич Фрейдзон — капитан МВД, тогда у всех руководителей такого ранга были звания, руководил строительством ледяной переправы через Обь. Мы встречались с ним в 1993 году в Ленгипротрансе в Ленинграде. Опровергая распространенное мнение, он говорил, что никакого намораживания для утолщения льда не проводилось. Полотно укреплялось поверх уложенных поперек бревен. Этого оказалось достаточно, чтобы выдерживать составы с грузами пять зимних сезонов до закрытия «501-й». Ему был уже 91 год, но он все еще работал. Встретил он нас настороженно, но потом разговорился и во многом помог нам: в Ленгипротрансе есть архив, где мы взяли много интересных документов, фотографий, ознакомились благодаря нему с другими участниками стройки, изыскателями. Кстати, чувствовалось, что богатство он не нажил, этот высохший, седой, с горбатым громадным но-

сом человек. Об этом можно было судить хотя бы по старому, заношенному костюму, ботинкам со стершейся подошвой.

22 июля 2014 года в Салехарде проходило очередное заседание межведомственной рабочей группы по вопросам реализации программы увековечения памяти жертв политических репрессий. Заседание проводил Председатель Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Михаил Федотов. Принимали участие в работе заседания представители департаментов культуры и внутренней политики, общественные деятели Ямала, в том числе сотрудники Архива и МВК. К этому событию на балюстраде МВК Архив на основании хранившихся документов сделал выставку, посвященную 501 стройке.

Вообще, начиная с 2008-го года Архивом были открыты следующие выставки: «К 50-летию создания Ямальской комплексной геологоразведочной экспедиции», «К 90-летию создания ВЛКСМ», «Страницы истории Ямала в архивных документах». «12 апреля 2011 года — выставка «Вперед, к высотам!», посвященная первому полету человека в космос». 21–23 апреля 2011 года выставка в рамках проведения медиа-форума, посвященного ямальским СМИ. 8 мая–16 сентября 2011 года — выставка «Путь к Победе: в единстве фронта и тыла», посвященной 66-летию Победы в Великой Отечественной войне. 15–17 июня 2011 г. — выставка «Дорога на Ямал — дорога в будущее», приуроченная проведению научно-методического совета архивных учреждений Уральского федерального округа. «В рамках участия в презентации сборника материалов «Первый Ямальский (Ненецкий) национальный съезд Советов» подготовлена выставка архивных документов». В рамках научно-практической конференции «От родовых общин — к парламенту Ямала» (5–6 октября 2012 г.) подготовлена выставка архивных документов (в холле конференц-зала Законодательного Собрания ЯНАО).

В монтаже выставок принимали участие и сотрудники МВК.

Мне также довелось использовать документы из фонда окружного Архива при создании книг: «Дорогами памяти», «Будем помнить всегда», «Сава луца — хороший человек М. М. Броднев». Сейчас я работаю над книгой

«Дороги и судьбы», где я надеюсь, будет и глава «Из фондов Государственного Архива ЯНАО». Но это отдельный большой разговор.

Я считаю, что у МВК и Архива ЯНАО сложилось доброе тесное сотрудничество. Сотруд-

ники МВК еще не раз придут изучать документы по интересующим их темам. Мы будем создавать еще не одну совместную выставку, и будем вместе закрашивать «белые пятна» истории округа.

**ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Петрова В.П.

2014 г. объявлен в России годом культуры, поэтому представляется символическим, что Государственный архив ЯНАО отмечает в этом году юбилей — 80 лет деятельности по сохранению культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа. Архивы вместе с музеями и библиотеками являются хранителями документов, относящихся к Архивному фонду РФ, то есть наиболее ценных свидетельств истории страны и региона. В последнее десятилетие в архивной отрасли округа произошли значительные положительные изменения в создании условий хранения и использования в интересах общества, государства и граждан архивных документов.

Большая часть работ по истории Ямала в годы Великой Отечественной войны посвящены трудовому героизму жителей округа, подвигу ямальцев на фронтах, судьбам участников боевых действий. Гораздо меньше нашла отражение в литературе повседневная жизнь жителей края в тяжелых условиях войны. Что помогло не только выжить населению, но и выполнять плановые задания государства, не допустить массового голода и эпидемий, да еще оказывать постоянную поддержку фронту вещами и денежными средствами? Особенно сложно было приспособиться к северным условиям жителей других регионов страны, которых много прибывало в округ.

Изучение этих аспектов даст возможность выявить те факторы, которые позволили жителям округа приспособиться, адаптироваться к условиям войны и выжить в экстремальных условиях. В широком смысле адаптация — это совокупность поведенческих особенностей биологического вида, обеспечивающая возможность специфического образа жизни в определенных условиях внешней среды. Адаптация социальная — приспособление человека к существованию в обществе, соизмерение своих потребностей, мотивов и интересов с нормами и требованиями общества. Процесс

приспособления человека к климатогеографическим, социальным, производственным условиям представляет собой универсальное явление. Адаптация имеет свой диапазон, предел и цену, и развивается как ответ на экстремальные факторы. Важным компонентом ее является стресс-синдром, который активизирует все системы организма человека.

Повседневная жизнь населения края с началом войны резко изменилась. Не хватало самого необходимого: продуктов, топлива, жилья, одежды, керосина, электроэнергии. Карточная система касалась только рабочих и служащих и членов их семей, без прежней поддержки осталось коренное население, особенно тяжело приходилось спецпереселенцам, мобилизованным на работу в рыбной промышленности и сельском хозяйстве.

В этих тяжелых условиях многое зависело от организаторской функции государственных органов и партийных организаций округа. В условиях войны деятельность всех государственных, партийных, хозяйственных, комсомольских, профсоюзных, военных организаций и учреждений была максимально централизована. В Государственном архиве ЯНАО, Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области сохранилось значительное количество документов показывающих, что в условиях военной мобилизации организующую роль на себя взяла партийная организация округа. Бюро окружного комитета ВКП(б) совместно с окрисполкомом часто принимали оперативные решения, не дожидаясь указаний центра.

Документы окружного исполкома, райисполкомов свидетельствуют, что местные Советы проявляли заботу о семьях фронтовиков, инвалидах войны, материально-бытовом обслуживании населения. Конечно, в первую очередь решались задачи обеспечения фронта, но с органов государственной власти не снималась ответственность за выживание населения

в условиях северных широт. Тяжелые условия военного времени требовали от местных руководителей принимать быстро оптимальные решения, а рядовые труженики проявляли выдумку, смекалку, изобретательность на производстве для выполнения заданий.

Анализ протоколов заседаний исполкомов, окружкома партии показывает изменение методов их работы: жесткая дисциплина, централизация и оперативность управления, высокая требовательность к кадрам, объективный и критический анализ проблем, которые возникали в округе ежедневно. Документы тех лет содержат много информации об имеющихся в округе недостатках во всех отраслях, но это не потому, что мало было положительного, успешного в работе предприятий и организаций. В протоколах, докладах, выступлениях на сессиях окружного Совета проблемы, ошибки, недостатки не замалчивались, на них обращалось основное внимание, чтобы быстрее принять меры по их устранению, наказать виновных.

Ясно, что много в те годы зависело от решений и помощи центральных органов власти, наркоматов, порой принимаемые решения были просто невыполнимы. Так ясно было, что построить на Ямале в 1942–1943 гг. за полгода дома для тысяч людей, когда не было в округе стройматериалов, было не возможно. Однако выполнить такое решение нужно было любой ценой. И таких решений принималось в условиях войны много, стране нужна была рыбная продукция и мясо для обеспечения фронта. Большинство решений принималось без обсуждений, в директивном порядке, но можно ли было в суровых условиях войны действовать иначе?

Во многом выполнение заданий государства обеспечивалось проведением в тылу трудовых мобилизаций населения. Согласно Указу от 13.02.1942 г. «О мобилизации на период военного времени населения для работ на строительстве и производстве» в Ямало-Ненецком округе (за исключением Шурышкарского района) была объявлена трудовая повинность мужчин с 16 до 55 лет и женщин с 16 до 45 лет. От этой повинности освобождались учащиеся и колхозники, выполнявшие государственное задание по вылову рыбы. Нельзя было самовольно уходить с работы и уезжать

из поселка. В годы войны отменялись отпуска и вводились сверхурочные работы, денежные компенсации по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1942 г. переводились на сберегательные книжки. Перевыполнение плановых заданий давало возможность дополнительно заработать, победа в социалистическом соревновании также поощрялась, премии могли выдавать как деньгами, так и промышленными товарами.

Значительную часть заработанных в годы войны средств жители округа отдавали для фронта через займы и лотереи. За годы войны труженики округа собрали 10 млн. руб. деньгами и на 15 млн. руб. приобрели облигаций государственных займов. В Государственном архиве ЯНАО хранятся подлинные документы (расписки, квитанции, ведомости) об участии населения в покупке облигаций четырех военных займов. Например: Зав. поликлиникой г. Салехарда М. И. Кошкарова в 1944 г. подписалась на 3-й заем в сумме 2 тыс. рублей. Зарплата ее составляла 1,5 тыс. руб., выплатить необходимо было за 6 месяцев, т. е. в среднем от 200 до 350 руб. в месяц. Сумма подписки зависела от заработка, отказов не было, каждый вносил вклад в дело Победы.

В годы войны государство проводило избирательную социальную политику. Более активно поддерживались семьи фронтовиков, так как солдаты должны быть уверены, что государство заботится о семьях. Материально и морально поддерживались работники рыбной промышленности округа и колхозники, занятые на рыбных промыслах, так как от них зависело выполнение государственного задания по добыче рыбы. В особой заботе нуждались дети и будущие матери.

Существенной поддержкой населения в годы войны оставалось государственное социальное обеспечение, которое оставалось все годы войны на прежнем уровне, вводились новые пособия, повышались размеры выплат. Постановлением СНК от 28 июля 1941 г. пенсионерам, вышедшим на работу, сохранялась пенсия.

В годы войны был увеличен срок послеродового отпуска, снижен стаж для назначения пособия по родам, повышен размер пособия по уходу за новорожденным, пособия многодетным стали выплачиваться при рождении

трех детей, беременным женщинам и кормящим матерям полагался дополнительный паек. С 08.07.1944 г. учреждались орден «Материнская слава», «Медаль материнства», звание «Мать-героиня».

Понимая, в каком тяжелом положении находятся дети, местные органы власти пытались установить для детей нормы питания, но их не удавалось обеспечить. Тяжелое положение было в интернатах и детских домах, чтобы прокормить детей при Кушеватском и Салехардском детдомах создали подсобные хозяйства. В 1944 г. для детей округа было выделено из государственных резервов 7,3 тыс. м ткани, 655 пар обуви, округ смог выделить еще 30 пар пимов, 100 пар валенок, 100 телогреек, 30 пальто.

Особое внимание уделялось семьям военнослужащих. Такие семьи освобождались от военного и сельскохозяйственного налога. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. стали выплачивать пособия семьям военнослужащих рядового состава, а семьям начальствующего состава — по аттестату. Сумма пособия составляла от 75 до 200 рублей в месяц. За годы войны в округе пенсий и пособий инвалидам войны было выплачено на сумму 2 млн. 620,8 тыс. рублей. [ГА ЯНАО (Государственный архив ЯНАО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 81. Л. 181].

На окружной исполком, райисполкомы возлагалась ответственность за помощь семьям фронтовиков, трудоустройство членов их семей. Не оставались без внимания и инвалиды войны. В Салехарде в 1941 г. было трудоустроено более 500 членов семей фронтовиков, 81 семья получили жилье. В округе были созданы специальные отделы по государственному обеспечению населения, которые занимались семьями фронтовиков. Формы помощи были различные, кроме государственной поддержки привлекалось и население. В 1943 г. в округе прошли воскресники помощи семьям военнослужащих, на эти средства покупалась одежда и обувь, вводились в школах горячие завтраки. В январе и октябре 1944 г. в районах округа прошли месячники помощи семьям фронтовиков: сбор денег, вещей, продуктов, ремонт квартир. В Салехарде 825 семей получили 205 тыс. руб., вещи, ткани. В Тазовском районе собрали на 61 тыс. руб.

продуктов, 12 тыс. руб. передали членам семей фронтовиков, колхозы выделили оленей и мясо. В Шурышкарском районе собрали денежных средств 10,5 тыс. рублей, заготовили 366 кубометров дров, передали семьям 100 кг мяса, 5 тонн картофеля, 900 м ткани. Такая же помощь была оказана и в других районах. [ГА ЯНАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 14/17. Л. 2–5]. За годы Великой Отечественной войны семьи военнослужащих округа получили пособий на сумму 6 млн. 89,5 тыс. рублей. [ГА ЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 81. Л. 181, 181об]. Документы, хранящиеся в архивах округа, позволяют достаточно полно изучить вопросы помощи семьям фронтовиков и инвалидам.

Тяжелым весь период войны оставалось продовольственное обеспечение населения округа. С осени 1941 г. кооперативные магазины перешли на нормированную продажу на 1 семью 500 г сахара в месяц и 150 г масла. Решением окрисполкома от 19.09.1943 г. вводилось нормированное снабжение рабочих, служащих, иждивенцев и детей по карточкам. Торговлей в округе занималась система окррыболовпотребсоюза (211 магазинов, 125 пекарен). В годы войны возникла стихийная рыночная купля-продажа, а чаще всего шел натуральный обмен продуктов и товаров. В распределении и отоваривании карточек было много проблем, но это была вынужденная возможность минимально обеспечить население края продовольствием.

С января 1945 г. карточки были отменены, продажа товаров шла по заборным книжкам и талонам. Для обеспечения населения местные органы власти приняли решение заготавливать дичь, грибы, ягоды и обратились в центр с просьбой оставлять в округе до 60 тонн рыбы ежемесячно для питания населения.

Выживание населения зависело от многих факторов, существенным из которых являлось состояние здравоохранения. Организации здравоохранения под руководством В. Ушакова в тяжелейших условиях сделали все возможное для предотвращения массовых эпидемий, а инфекционные заболевания вспыхивали постоянно. В 1941 г. был открыт центр санэпиднадзора, население прививалось от оспы, тифа, дифтерии, скарлатины. В Салехарде приготовили 17 л противокоревой сыворотки, что позволило сбить начавшуюся эпидемию

кори. На пристани Салехарда постоянно дежурили медработники для проверки приезжающих и обработки одежды. В поселках строили простейшие землянки-дезинфекторы, бани по-черному, санпропускники. Деятельность медиков округа в условиях войны требует обстоятельного изучения историками. Коренное население округа в основном лечилось традиционными средствами народной медицины, эта сфера жизни ненцев, ханты, коми, селькупов получила достаточное освещение благодаря многочисленным работам этнографов.

При изучении факторов адаптации населения важно исследовать не только материально-бытовое положение населения, но и духовную сферу. Важная роль в условиях военного времени уделялась политическому и идеологическому воспитанию. Для пропаганды использовались разнообразные формы: агитколлективы, групповые беседы, плавающие культбазы, читки газет на стойбищах, рыбных промыслах, библиотеках. Разнообразную работу проводили избы-читальни, красные чумы, дома народов севера и другие учреждения культуры. Вся агитационно-пропагандистская работа шла под лозунгом «Все для фронта», «Выдержать все трудности ради Победы». В этом мотивы деятельности, интересы жителей округа совпадали с интересами и целями государства. Люди действительно готовы были вытерпеть любые лишения, работать из последних сил, забыть обиды, нанесенные им государством, для достижения общей цели. Работники культуры старались отвлечь жителей от трудностей, вселить в них надежду на победу, помочь морально пережить трудности военной поры. В школах старались максимально занять детей, работали кружки, учителя вместе с детьми участвовали во всех работах. Делалось все возможное, чтобы дети не были безнадзорными.

Патриотизм как идеологический фактор жизни населения края в годы войны был характерен для всех категорий населения Ямало-Ненецкого национального округа: местных жителей, спецпереселенцев, эвакуированных, депортированных народов. Патриотический подъем вызвал трудовой героизм рабочих и колхозников, молодежи и школьников. Свидетельств этому сохранилось много в архивных документах, воспоминаниях участников тех событий.

В адаптации людей к военным условиям велика роль и человеческого фактора. Начало войны вызвало перелом в сознании большинства людей. Угроза порабощения затронула каждого человека, определила характер и поведение, интересы общества стали выше личных интересов. Общая беда и одинаково тяжелые условия жизни уравнивали рабочих и колхозников, руководителей и рядовых работников, местных жителей и ссыльнопоселенцев, коренных и депортированных народов. В жестких, порой экстремальных условиях войны ямальцы проявили в целом взаимопонимание и взаимоуважение, терпимость к другим религиям и обычаям. Во время войны жители округа спасали исторический опыт, традиции и обычаи северных народов, у которых приезжие учились выживанию в полярных широтах. Люди смогли приспособиться к недостатку продуктов питания, одежды, обуви и других товаров. Адаптации по мере возможности помогало и государство. Местные органы власти не запрещали индивидуальное хозяйство, огородничество, рыночную торговлю и натуральный обмен, государство осуществляло социальное обеспечение. Ямальцы для собственного спасения активно занимались самообеспечением: шили одежду и обувь, строили землянки и бараки, заготавливали грибы, ягоды, дичь, рыбу. Произошла колоссальная мобилизация внутренних сил народа, обострился инстинкт самосохранения. Результаты труда ямальцев для нужд фронта в тех условиях казались недостижимыми, но жители округа сделали невозможное и обеспечили фронт и тыл продовольствием. Такие результаты были достигнуты, в том числе, и из-за резкого снижения условий жизни населения округа.

К сожалению, адаптация социальная не передается с генами. Уважительное отношение наших бабушек и дедушек к хлебу не передается внукам. Поколение, лишенное информации, сведений об историческом опыте предыдущих поколений, теряет традиции, основы сохранения народа и государства в целом. Вот почему так велика роль архивов как хранителей народной памяти. Архивные документы позволяют раскрыть многие малоизвестные страницы истории округа и страны в целом. Выставка документов из личных фондов, организованная Государственным архивом ЯНАО

в рамках юбилея, еще раз убедительно показывает, что судьба страны состоит из ниточек судеб каждого человека. Именно архивисты бережно собирают и хранят свидетельства со-

временников разных исторических событий, а архивные учреждения являются самыми надежными хранителями культурного достояния народов нашей страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГА ЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 81.

ГА ЯНАО. Ф.43. Оп. 1. Д. 14/17.

**ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ ОКРУЖНОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.**

Соломина Л.В.

Тема «Архивы и архивное дело в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» относится к малоизученным. В опубликованных работах Л. Н. Ильинской, Н. С. Зелова, В. В. Макасова, П. Г. Софинова, В. В. Цаплина и других исследователей речь идет о мероприятиях по эвакуации документов из архивохранилищ территорий, оказавшихся под угрозой вторжения фашистских войск, о проведении комплектования и использования в условиях военного времени архивов центральных территорий страны. Следует отметить работы О. Н. Копыловой, отдельной темой исследовавшей сохранность Государственного архивного фонда СССР. В монографии Т. И. Хорхординой «История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг.» тема исследована с привлечением рассекреченных источников. Татьяна Иннокентьевна проанализировала события данного периода и отметила факт игнорирования органами Народного Комиссариата внутренних дел советов профессионалов и опыта прошлых лет [Хорхордина, 1994. С. 247.].

Из региональных разработок в коллективной работе уральских архивистов «Архивная служба Свердловской области — 85 лет» данному вопросу отводится отдельная глава. В разделе «Архивы Урала в 1941–1945 годах» [Архивная служба Свердловской области, 2004. С. 74–101] проанализированы причины утери и порчи от эвакуации и реэвакуации документов, основные направления работы в этот период архивов Свердловской области.

Рассмотрение деятельности Ямало-Ненецкого окружного государственного архива в указанный период вызывает интерес с точки зрения расположения архива на отдаленной от центральных районов страны района «глубокого тыла». Для территории характерны неразвитая транспортная инфраструктура, проблемы связи. Кроме того, кадровый вопрос в национальном округе был одним из самых злободневных. Специалистов не хватало, особенно это остро ощущалось в ситуации не-

хватки помещений, тяжелых условий труда и низкой заработной платы. Следует отметить, что организация и становление «территориального» архива проходила на фоне запоздалой реконструкции сельского хозяйства, появления новых населенных пунктов, увеличения количества населения, когда в округе в первую очередь приходилось решать хозяйственные вопросы строительства административных, промышленных, жилищных объектов, и понимание роли архивного учреждения, а также важности сохранения документов являлось вторичным. Регион подвергался неоднократным административно-территориальным изменениям, руководство архивной отраслью было осложнено как значительным расстоянием от архивного ведомства, курирующего архив, так и частой сменой кадрового состава.

В предвоенный период в архивной отрасли произошли значительные изменения, связанные с переходом в ведомство Народного комиссариата внутренних дел. Руководством НКВД первоочередными задачами поставлены подбор «квалифицированных, политически проверенных и любящих это дело кадров» [ГА ЯНАО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.], а также необходимость упорядочения в системе учета, хранения и контроля архивных материалов. В связи с этим достаточно поспешно было издано большое количество нормативно-распорядительных документов внутриведомственного характера.

Для обеспечения правильного и высококачественного проведения учета архивных материалов по новым формам следовало окончательно разобрать все архивные материалы по фондам, установить сосредоточенные в архиве описанные и неописанные фонды и поставить их на учет. Формы учета направлялись циркулярно, и были ориентированы, прежде всего, на создание фондовых карточек.

Первые сведения о количестве учтенных фондов в окружном архиве появились в 1940 г. (ранее, как указывали органы областного

управления «окружной архив был «местом, куда кто что захочет, то и валит...» [ГА ЯНАО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.]. На 1 июля 1940 г. было учтено уже 34 фонда.

Следует обратить внимание на значимый для истории окружного архива момент. В 1940 г. была разработана сеть государственных архивов, принципом которой являлась единообразная система архивов и архивных органов (на основании постановления Совнаркома СССР от 20 января 1940 г. № 140 «Об утверждении Положения о Главном архивном управлении НКВД СССР»). В документах окружного архива при его наименовании появилось слово «государственный». 29 марта 1941 г. под грифом «для служебного пользования» опубликовано «Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети государственных архивов СССР». Документ являлся «актом завершения централизации архивного дела на всей территории Советского Союза, такой централизации, начало которой было положено ленинским декретом СНК 1 июня 1918 г.» [Хорхордина, 1994. С. 252.]. С этого времени окружной архив официально именуется Ямало-Ненецким окружным государственным архивом (ЯНОГА). Заведующий окружным архивом соответствует должности начальника окружного государственного архива. Обязательным требованием для государственного архива являлось составление его паспорта. Так, в первом паспорте ЯНОГА за 1941 г. на хранении в архиве числилось 34 описанных фонда.

В начале 1941 г. Ямало-Ненецкий госархив разослал по организациям г. Салехарда Типовое положение об архиве учреждения, предприятия, организации, подготовленные Архивным отделом УНКВД по Омской области. Одним из пунктов «Положения...» был контроль за правильностью формирования дел в делопроизводстве (учреждения, предприятия и организации) в соответствии с утвержденной окружным госархивом номенклатурой дел. Список наиболее крупных организаций, которым было разослано положение, а также рекомендации о порядке разгрузки от материалов, не подлежащих хранению в учреждениях, организациях, предприятиях для самостоятельного выделения материалов на уничтожение, для постановки на особый контроль следовало предоставить в областной архивный отдел

НКВД. Позже в них была проведена ревизия. Таких организаций в Салехарде оказалось немного:

1. Салехардский рыбный консервный комбинат
2. Ямало-Ненецкий окружной финансовый отдел
3. Строительный участок Салехардского рыбного консервного комбината
4. Лесозавод
5. Окружная связь
6. Салехардский городской Совет и его исполнительный комитет
7. Колхоз «Красный Октябрь»
8. Ямало-Ненецкий окружной отдел здравоохранения
9. Ямало-Ненецкий окружной потребительский союз [ГА ЯНАО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.].

Одним из характерных моментов в указанный период связан с исполнением запросов учреждений, предприятий и организаций и отдельных граждан, ранее проживающих на присоединенных территориях Прибалтики, в западных районах СССР. В национальный округ с началом Второй мировой войны началась депортация указанных групп населения. Лица, проходящие по таким запросам следовало проверять на «все архивные данные, как на них, так на их связи» [ГА ЯНАО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.]. Так, с 1 января до 1 августа 1941 г. было наведено 45 архивных справок [ГА ЯНАО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 8. Л. 2об.].

Организационно-методическая и техническая работа в целом значительно возросла. Органы внутренних дел для проведения работ для архивистов ввели 8-часовой рабочий день с 7-дневной неделей. Ужесточение трудовой дисциплины, улучшение практики государственного социального страхования и борьба со злоупотреблениями в архивной отрасли проходило через карательные меры. Были введены жесткие правила внутреннего распорядка с регламентацией часов работы и обеденных перерывов. Привлечение к судебной ответственности было одним из распространенных методов борьбы за трудовую дисциплину.

Возросшие объемы работ по упорядочению архивных материалов, по переучету фондов (по новой системе) сказались отрицательно на

общей работе окружного госархива, в котором на все виды работ предусматривался один человек. После проведения служебной проверки, несмотря на внимательное отношение к работе, А. Е. Краснова, была уволена «за невозможностью дальнейшего использования на службе» [ГА РФ. Ф. Р.-5325. Оп. 10. Д. 1185. Л. 11.]. С 23 июля 1941 г. на должность начальника окружного госархива была назначена Сабадаш Вера Григорьевна.

В документах ГА ЯНАО сохранились приказы, поступившие в первые месяцы войны в госархив, а именно: об увеличении продолжительности рабочего дня до 10 часов в день с обязательным введением вечерней работы до 22.30 вечера. В приказе сказано: «Трудящиеся страны досрочно выполняют производственные задания, работают, не считаясь со временем, один работает за двоих, за троих, и архивные работники в этом отношении не должны отставать» (приказ от 5 сентября 1941 г. № 35) [ГА ЯНАО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.].

Важным направлением работы стало использование документов в народнохозяйственных целях, в связи с чем и в окружном архиве проводилась работа по выявлению документальных материалов, содержащих сведения о наличии материальных богатств северной земли — местонахождении полезных ископаемых: нефти, угля, цветных и редких металлов, железа, минеральных удобрений, которые были необходимы военной промышленности, а также сведения, необходимые «на нужды укрепления обороны Родины» [ГА ЯНАО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.]. Вместе с тем приказом от 8 сентября 1941 г. № 7 «О прекращении допуска в читальные залы посетителей для работы с документальными материалами, в связи с военной обстановкой» доступ был ограничен. Работа в читальных залах разрешалась только представителям партийных органов, военного командования, органов НКВД, судебно-следственных органов, органов прокурорского надзора и сотрудникам архивных органов, работающим по планам, утвержденным областными архивными отделом.

В сложный период войны 1943 г., в связи с уходом В. Г. Сабадаш в ряды рабоче-крестьянской Красной армии, на должность начальника окружного государственного архива был назначен И. Ф. Ного. Иван Федо-

рович — известный в округе общественный деятель, ранее занимавший ответственные руководящие посты в различных направлениях хозяйства, в том числе — заместителя председателя окрисполкома Совета депутатов трудящихся (1933). На фронт И. Ф. Ного не взяли из-за преклонного возраста (1891 г.р.) и инвалидности. В окружном госархиве Иван Федорович проработал недолго (с июля 1943 до октября 1944 г.) и решал в большей степени административные вопросы.

За время его работы под окружной госархив отвели новое помещение «каменное, отвечающее требованиям охраны архивов» [ГА ЯНАО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 8. Л. 73.]. Это было единственное каменное здание в городе. Общая площадь из трех комнат составляла 66,36 квадратных метров. 10 августа 1943 г. представителями Салехардской пожарной охраны НКВД впервые был составлен акт противопожарного технического обследования здания.

В этот период востребованными стали архивные документы о движении ненецко-хантейской бедноты под руководством Ваули Пиеттомина в 1830—1840 гг., а также фольклорные материалы коренных малочисленных народов Севера «хантэ, ненцев (отчасти зырян)» [ГА ЯНАО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 8. Л. 44.]. Образ национального героя-освободителя — один из характерных героев в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Образ национального героя-освободителя — один из характерных героев в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Но основная часть архивных материалов о восстании, как указывается в справке начальника окргосархивом, были вывезены из архива ранее [ГА ЯНАО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 8. Л. 53.].

В штат архива за счет сметы хозяйственных расходов окружного Совета депутатов трудящихся ввели еще одну штатную единицу — архивно-технического работника. На эту должность приняли У. Д. Мамееву.

В августе 1943 г. в Салехард прибыл представитель отдела госархивов УНКВД по Омской области В. И. Стрельский. Ранее научный сотрудник областного центра был знаком с И. Ф. Ного как с представителем Ямальского филиала Общества изучения края, ненецким драматургом, писателем, работавшим над темами национального движения,

в том числе восстания Ваули Пиеттомина. Организационно-инспекторскую работу Вячеслав Ильич проводил на протяжении месяца. Под его руководством были обследованы 10 организаций в г. Салехарде, о чем составлены акты. Среди них Салехардский городской рыбный кооператив, Ямало-Ненецкий окружной потребительский союз [ГА ЯНАО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 71, 78.].

14 августа 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР в составе РСФСР была образована Тюменская область, в состав которой вошел Ямало-Ненецкий национальный округ [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1050. Л. 99]. В акте приема-передачи государственных архивов из архивного отдела УНКВД по Омской области архивному отделу УНКВД по Тюменской области от 9 декабря 1944 г. Ямало-Ненецкий окружной государственный архив был передан под руководство архивного отдела УНКВД Тюменской области.

Приоритетным направлением работы окружного госархива становится решение вопросов комплектования документальными материалами в интересах социалистического государства и разгрома немецко-фашистских захватчиков. На основании распоряжения от 21 мая 1942 г. НКВД СССР о сборе документальных материалов о зверствах германских властей, разосланного в организации г. Сале-

харда, в госархив досрочно были приняты документы [ГА ЯНАО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.]. Вместе с тем частая смена начальников госархива к концу войны в Ямало-Ненецком округе была обусловлена жесткими требованиями к работе при низкой заработной плате и тяжелыми условиями труда, а также требованиями идеологически «проверенных людей», что было не просто при несоизмеримых нагрузках на единицу штата архива.

Несмотря на ряд проблем, в годы войны Ямало-Ненецкий окружной государственный архив не только сумел сохранить ценные архивные фонды, но и пополнить их. В условиях отдаленности национального округа такие вопросы, как перестройка планово-отчетной работы, новые виды отчетных документов, впервые составляемые учетные карточки в областное архивное управление предоставлялись в срок и правильно. Надо отметить, что в планах работы окружного архива указывались конкретные цифры по «концентрации» (комплектованию), описанию архивных материалов. К отчету обязательно прилагалась объяснительная записка с краткой характеристикой каждого отдельного вида работы. Несмотря на противоречивость количественных показателей, работа по основным направлениям проходила достаточно организованно, ее качество значительно улучшилось.

БИБЛИОГРАФИЯ

Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.). / Под ред. В. П. Петровой. — Тюмень: ООО ТНЦ «ТюменНИИГипрогаз», 2003. — 304 с.

Архивная служба Свердловской области — 85 лет. / Под общей редакцией А. А. Капустина. — Екатеринбург: Реал-Медиа. 2004. — С. 74–101.

Ильинская Л. Н. В эвакуации // Советские архивы. — 1985. — № 2. — С. 46–48.

Копылова О. Н. К проблеме сохранности ГАФ СССР в годы Великой Отечественной войны // Советские архивы. — 1990. — № 5. — С. 37–44.

Корнеев В. Е., Копылова О. Н. Архивы на службе тоталитарного государства (1918 — начало 1940-х гг.) // Отечественные архивы. — 1992. — № 3. — С. 13–24.

Максаков В. В. Архивы и архивное дело СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы архивоведения. — 1961. — № 2. — С. 3–13.

Максаков В. В. Вопросы комплектования Государственного архивного фонда СССР в годы Великой Отечественной войны // Советские архивы. — 1971. — № 1. — С. 32–39.

Малинкин Е. М. Архивы города Куйбышева в годы Великой Отечественной войны // Отечественные архивы. — 2011. — № 2. — С. 20–26.

Софинов П. Г. Советские архивы в период Великой Отечественной войны // Исторический журнал. — 1942. — № 11. — С. 64–65.

Цаплин В. В. Подвиг архивистов // Советские архивы. — 1968. — № 3. — С. 63–70.

Хорхордина Т. И. История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг. — М.: РГГУ, 1994. — 358 с.
ГА ЯНАО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1, 6–11.

**ИЗ ИСТОРИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА В 1970–1980-е гг.
(ПО КАРТОГРАФИЧЕСКИМ ДОКУМЕНТАМ ГБУТО ГАТО)***Тарасова О.П.*

Открытие уникальных нефтяных и газовых месторождений в Тюменской области стало одним из самых значимых событий в истории страны второй половины XX века. Создание новой топливной базы в Западной Сибири имело свои особенности. Во-первых, в предыдущие периоды в добыче нефти по стране участвовало несколько нефтяных районов, выполнявших определённую часть общей задачи, теперь эта задача возлагалась полностью на плечи одной нефтегазовой провинции. Во-вторых, ранее, к моменту, когда на районы возлагалась задача обеспечить значительные приросты нефти, в них, как правило, уже были созданы значительные производственные мощности в соответствующем обустройстве, территория же Западной Сибири практически была не освоена.

В результате индустриального освоения быстро шел процесс урбанизации как Тюменской области в целом, так и Ямало-Ненецкого округа. В ранее необжитых районах появились новые современные города. Первенцем освоения стал Надым, послуживший форпостом освоения гигантского Уренгойского месторождения, а затем и Ямбургского. Впоследствии в Приполярье статус городов получили Лабитнанги (1975), Новый Уренгой (1980), Ноябрьск (1982), Муравленко (1990). Одновременно росли и менее крупные городские поселки — Тарко-Сале (1976), Коротчаево (1982) и Губкинский (1988). В 1985 году в округе было 5 городов и 9 поселков городского типа. Сельское население проживало в 90 мелких населенных пунктах, расположенных в 7 районах, средняя численность жителей в которых не превышала 8 тысяч человек. В 1990 году округ насчитывал уже 6 городов.

Усилиями всей страны была решена задача, беспрецедентная по сложности и масштабу. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс (ЗСНГК) не только помог осуществить реконструкцию топливно-энергетического ком-

плекса страны, дал импульс развитию многих отраслей промышленности, но и коренным образом изменил облик региона, превратив его в крупный промышленный центр.

Социальное освоение нефтегазодобывающих районов Западной Сибири в 1960–1980-е годы — явление уникальное, аналогов которому нет ни в отечественной, ни в мировой практике. За относительно короткий период здесь была создана не только главная топливная база СССР, обеспечивающая и сегодня 2/3 всей добычи нефти в стране и свыше 90% природного газа, но и социально освоено (практически с «нуля») громадное пространство.

В социальном освоении севера Западной Сибири можно выделить три этапа. Первый этап — середина 1960-х — середина 1970-х годов. В этот период определялись опорные города и поселки нефтегазодобывающего района, принципы и характер застройки северных территорий.

Плотность населения в северных районах была в 5,5 раз ниже, чем в Западно-Сибирском регионе в целом и в 8,3 раза ниже, чем в среднем по РСФСР. Практически отсутствовали городские поселения. Поэтому уже на начальном этапе наряду с промышленным освоением ставилась задача социального обслуживания и заселения территории.

Градостроительная политика являлась частью социальной программы освоения региона. Основу ее составляла система расселения, т. е. выбор наиболее оптимальных вариантов для создания новых городов и поселений. Составными элементами градостроительства являлось также определение принципов и характера застройки осваиваемой территории.

Несмотря на наличие объективных условий, усложняющих градообразовательные факторы (высокая заболоченность территории, отсутствие транспортных коммуникаций и т. п.) и ориентирующих на использование нетрадиционных подходов к формированию си-

стемы расселения, за ее основу на начальном этапе становления комплекса были выбраны традиционные методы — создание стационарных городов с постоянным населением.

Второй этап охватывает 1970-е — начало 1980-х годов. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс в этот период становится главной топливной базой страны, что обусловило увеличение объемов нефтедобычи и привело к значительному росту населения. Расширилась зона освоения региона. С начала 1980-х гг. начинается новый этап, характерными чертами которого являются интенсивный процесс градообразования, изменения в системе расселения. Использование строительных подразделений из других регионов страны позволило резко увеличить темпы и объемы жилищно-гражданского строительства.

Освоение Севера Западной Сибири в этот период предполагалось с использованием двух типов поселений: традиционных — строительство городов в радиусе 45–50 км от месторождений, и путем создания мобильных поселений. Второй тип поселений предполагал использование вахтовой организации труда [Тюменская правда, 1966. 22 июня; 5 июля; Тюменская правда, 1969. 17 апреля]. Вместе с тем, в теории градостроительства практически не нашла отражения концепция расселения с учетом перспектив развития региона, что свидетельствовало о незавершённости ее формирования.

Главной причиной перехода к вахтовой организации труда (при этом использованию не столько межрайонной, как предполагалось ранее, а межрегиональной вахты) являлось резкое увеличение объемов нефтегазодобычи с середины 1970-х годов. Значительный рост вахтового труда во второй половине 1970 — начале 1980-х гг. заставил внести изменения в генеральные планы северных городов. Новые проекты предусматривали увеличение численности населения на расчетный срок до 2000 года: Надыма — до 50 тыс., Нового Уренгоя — до 60 тыс. человек [ГБУТО ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 6569. Л. 1–60].

Период конца 1970 — начала 1980-х гг. сопровождался значительными изменениями и в системе расселения. В этот период происходил быстрый рост поселков городского типа и постепенное обновление их статуса, связанного с превращением их в города.

Из всех социальных проблем самой острой на всем протяжении 1960–1980-х гг. являлась жилищная. В начальный период развития ЗСНГК материальная база жилищно-гражданского строительства практически отсутствовала.

В 1980-е гг. рост населения также обогнал развитие социальной сферы. Хотя темпы жилищного строительства в области были в 1,5 раза выше республиканских, они были недостаточными для исправления ситуации. Если по стране, по данным ЦСУ в 1980-е гг. среднегодовой прирост населения составлял 0,9%, то в Тюменской области только за первое пятилетие 1980-х гг. он достиг 5,7% [Гаврилова, 2001. № 4. С. 1–13]. За этот период население Тюменской области увеличилось почти на 600 тыс. человек. Наиболее высокими сохранялись темпы роста населения в районах нефтегазодобычи. Так, если население области в 1981–1985 гг. увеличилось в 1,3 раза, то численность населения Ямало-Ненецкого округа более, чем в 2 раза. Основной прирост приходился на новые городские поселения. Например, в Новом Уренгое он составил почти 56 тыс. человек [Тюменская область в XI пятилетке, 1986. С. 24].

Интенсивное хозяйственное освоение территории сопровождалось значительными демографическими изменениями, которые были связаны во-первых, с ростом населения преимущественно за счет механического прироста из других регионов, а во-вторых, с формированием урбанизированных форм жизнедеятельности. За 1966–1991 гг. население Ямало-Ненецкого округа выросло с 65 тыс. чел. до 492,6 тыс. человек, т. е. в 7,6 раз [Карпов, 2005. С. 309]. Ямал превратился в один из районов страны с высоким уровнем урбанизации.

Удельный вес городского населения округа вырос за период 1961–1989 гг. с 35% до 78% [Карпов, 2005. С. 231]. По данным всесоюзной переписи населения 1959 г., на Ямале проживало 62,3 тысячи человек. Большую часть населения составляли русские (45%) и коренные народы (33%). Ненцев на Ямале было 14 тысяч, хантов — 5,5 тысячи, селькупов — 1,2 тысячи.

По данным всесоюзной переписи населения 1989 г., на Ямале проживало 494,9 тысячи человек. Численность коренного населения выросла на 44%: ненцев было 20,9 тысячи

(рост на 49%), хантов — 7,4 тысячи (больше на 13,5%), селькупов — 1,5 тысячи (больше на 12,5%). Однако удельный вес коренных народов сократился до 6% от общей численности населения Ямала. Русское население составило 59%. Одновременно выросла доля украинцев, белорусов и татар.

Уполномоченными органами исполнительной власти регулирующими градостроительную политику в регионе являлись управления по архитектуре и градостроительству. В соответствии с распоряжением СМ РСФСР № 5878-р от 16 сентября 1960 г. и решения Тюменского областного исполнительного Совета народных депутатов (далее — Тюменский облисполком) № 591 от 20 октября 1960 г. в структуре Тюменского облисполкома был создан отдел по делам строительства и архитектуры [ГБУТО ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3421. Л. 84–85]. 17 октября 1979 г. преобразовано в Управление по делам строительства и архитектуры Тюменского облисполкома [ГБУТО ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 6142. Л. 99]. 23 февраля 1988 г. — в Главное управление архитектуры и градостроительства Тюменского облисполкома [ГБУТО ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 7436. Л. 110–111, 114]. 19 декабря 1991 г. — Главное управление архитектуры и градостроительства администрации Тюменской области, сегодня — Управление градостроительной политики ГУС ТО [ГБУТО ГАТО. Ф. Р-2239. Оп. 1. Д. 4. Л. 41].

В автономных округах, городах и районах Тюменской области формировались аналогичные административные органы, которые составляли единую систему государственного управления архитектурой и строительством в Тюменской области.

В их ведение входили вопросы разработки и осуществления градостроительных мероприятий, направленных на решение текущих и перспективных задач комплексного социально-экономического развития области, регулирование роста городов, развитие малых, средних городов и других населенных пунктов в целях создания наилучших условий для труда, быта и отдыха населения, а именно:

— руководство и контроль за развитием архитектуры и градостроительства на территории области;

— обеспечение качественного уровня ар-

хитектуры зданий, сооружений и их комплексов;

— проведение научно-обоснованной политики в строительстве, градостроительстве и архитектуре;

— руководство за деятельностью местных органов исполнительной власти в сфере архитектуры и градостроительства, научными проектными учреждениями.

Поскольку органы исполнительной власти всегда являлись источниками комплектования ГАТО, в госархиве сформировался достаточно полный объем документов, отражающий все этапы градостроительной политики Тюменской области, начиная с 1944 г. (с момента образования Тюменской области). В 2013 г. на государственное хранение из Управления архитектуры и градостроительной политики Главного управления строительства Тюменской области поступили картографические документы отражающие этапы современного градостроительства в Тюменской области за 1971–1989 гг. [ГБУТО ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 6].

Разработчиками данных документов по заказам Главного управления архитектуры и строительства Тюменского облисполкома являлись различные проектные учреждения СССР: Ленгипрогор, Уралаэрогеодезия, Волгогипрозем (г. Куйбышев), Гипрокоммунстрой, Новосибиргражданпроект, Тюменьгражданпроект и др.

Документы представлены генеральными планами, схемами, проектами планировок, технико-экономическими обоснованиями (ТЭО), которые содержат сведения об основных направлениях развития нефтегазодобывающей промышленности Тюменской области с уточнением расположения месторождений, залежах минерально-сырьевых ресурсов в т. ч.: об энергетике; о загрязнении природной среды, охранных природных зонах и растительности; о проведении в районах Крайнего Севера геоботанических, зооветеринарных, мелиоративных обследований, необходимых для сельскохозяйственного производства; о функциональном зонировании и технико-экономических основах районной планировки юга области и автономных округов, медико-климатическом районировании; о транспортном и инженерном сообщении в регионе;

о дислокации и динамике промышленных кадров и др.

Среди общего комплекса указанных документов имеются картографические документы, отражающие особенности реализации градостроительной политики в 1971–1987 гг. (расселении, планировке и застройке городов и поселков) на территории ЯНАО и содержащие сведения, основанные на фундаментальных теоретических и практических научных исследованиях ведущих проектных учреждений гг. Москвы и Ленинграда, Куйбышева, Свердловска, Новосибирска, Тюмени:

– обзорно-топографические и топографические карты районов, городов, поселков, рабочих поселков ЯНАО;

– схемы инженерной подготовки территории, инженерных сетей, этапов строительства и др.;

– технико-экономические обоснования основ территориального развития районов и населенных пунктов ЯНАО, включающие в себя информацию об инженерно-геологическом районировании;

– планы жилых районов городов и поселков (Надым, Салехард, Новый Уренгой, Ноябрьск, Тихий (в состав фонда Р-1933 включено технико-экономическое обоснование (ТЭО) территориального развития и эскизы генплана г. Тихий (Пуровский район ЯНАО), разработанные в 1980 г. коллективом ЛенНИ-ИПГрадостроительства. В настоящее время на предполагаемом месте строительства г. Тихого находится п. Уренгой (Пуровский район ЯНАО)), Лабытнанги, Ямбург, Коротчаево, Вынгапуровский, Муравленковский, Харп) и прилегающих к ним территорий; районов прилегающих к городам; планы очередей строительства, опорные планы и схемы планировочных ограничений и др.

– проекты детальной планировки населенных пунктов (городской черты, эскизы застройки, схемы транспортных связей и ситуационные схемы планировки отдельных частей города).

Информация, содержащаяся в указанных документах, представляет особый интерес для изучения современной истории градостроительства на территории ЯНАО; освещает общие аспекты промышленно-экономического освоения и развития ЯНАО в составе Тюмен-

ской области, и этапы урбанизации различных районов ЯНАО в 1971–1989 гг.

Общее количество картографических документов 74 ед. хр. Из них 45 ед. хр. имеют информацию о районах и населенных пунктах ЯНАО, остальные 29 ед. хр. Содержат сводную информацию по Тюменской области, включая ХМАО и ЯНАО.

Формат картографических документов представлен размерами от 36,5×81 см до 145,5×210,5 см. Размеры планшетов картографических документов представлены в основном формате А-2, отдельные планшеты имеют размеры А-3, А-4.

Текстовая документация, сопровождающая картографические документы представлена наличием 2-х отдельных альбомов (Альбом архитектурно-художественного решения и отделки фасадов зданий жилищно-коммунального назначения, применяемых для застройки сельских населенных пунктов области, на 68 листах и альбом рекомендаций по реконструкции лесных поселков. Малые архитектурные формы и оборудование площадок, на 33 листах). Отдельные картографические документы имеют пояснительные записки и сопроводительную документацию, например:

1. Проект городской черты п. Вынгапуровский (состоит из 1 карты, пояснительной записки, геометрического плана)

2. Проект городской черты г. Новый Уренгой (состоит из 4 карт, пояснительной записки, геометрического плана)

3. План городской черты г. Надыма (состоит из 3 карт и пояснительной записки)

Легенды картографических документов содержат сведения о наличии и расположении административных зданий, учреждений культуры, торговли, быта, здравоохранения и др., а также ТЭО строительства городов и поселков, численности населения, плотности застройки, наличия железных дорог, вахтовых поселков, промышленных поселков и др. уже построенных или проектируемых.

Следует отметить, что по интересующей нас тематике ГАТО располагает значительным количеством фотодокументов. Большая часть фотодокументов представлена позитивами, отдельные фотодокументы представлены негативами. Исследованные фотодокументы отображают общие виды, рабочих поселков и

улиц городов и поселков, микрорайоны, районы и кварталы, дворы, площади, жилые здания и процесс застройки, промышленные объекты

и объекты соцкультбыта, здания аэропортов и портов, и вокзалов, поликлиники, детские сады и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

Гаврилова Н. Ю. Развитие социальной сферы районов нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1964–1985 гг.) // Известия высших учебных заведений. Нефть и газ. — 2001. — № 4. — С. 108–115.

Карнов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). — Тюмень, 2005. — 316 с.

Нефть и газ Тюмени в документах. — Свердловск, 1971. — Т. 1. — 376 с.

Тюменская область в XI пятилетке. — Тюмень, 1986. — 358 с.

Тюменская правда. — 1966. 22 июня.

Тюменская правда. — 1966. 5 июля.

Тюменская правда. — 1969. 17 апреля.

ГБУТО ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 6.

ГБУТО ГАТО. Ф. Р-2239. Оп. 1. Д. 4.

ГБУТО ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 3421.

ГБУТО ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 6142.

ГБУТО ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 6569.

ГБУТО ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 7436.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ЯМАЛЕ

Фиголь Н.В., Рудь Г.Г.

В 2014 году отмечается 150 лет со дня начала Земской реформы: в соответствии с «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 года в уездах и губерниях Российской империи создавались выборные губернские и уездные земские собрания и земские управы — органы местного самоуправления.

К началу XVIII века русские владения в Сибири достигли намеченных границ, и царское правительство направило усилия на достижение двух основных целей — создание полной административной централизации при самодержавной власти и укрепление внешнего могущества государства. В 1708 году в России была образована самая крупная в государстве — Сибирская губерния, где долгое время сохранялись традиционные формы местной автономии и социальной организации.

К концу столетия в стране назрела необходимость проведения реформ, связанных с большим количеством злоупотреблений, допускаемых правящими административными органами и вызванного ими крайнего недовольства населения. Одной из главных причин малой эффективности административных органов Сибири было отсутствие четкого определения их полномочий и функционального отделения от правительственной власти. Другими специфическими чертами являлись: практически полное отсутствие дворянства, недостаток чиновников, малочисленность населения, своеобразие культурной автономии инородческих племен, что сказывалось на развитии государственного управления и местного самоуправления.

Первым наиболее успешным шагом в решении накопившихся проблем явилась Сибирская реформа 1819–1822 гг. В процессе ее реализации была проведена кодификация регионального законодательства, нормативное урегулирование положения коренного населения Сибири. Определение правового статуса

Сибири соответствовало идее формирования в условиях многоэтнического государства правовой системы, при которой общеимперское законодательство и местные узаконения были в необходимой степени согласованы. При этом по новому законодательству разрешалось использовать родоплеменные социальные институты и обычаи [История Ямала..., 2006. С. 99].

Структура реформы обуславливалась комплексом законодательных актов: Учреждением для управления Сибирских губерний, Уставом об управлении инородцев, Уставом о сибирских киргизах и др. В соответствии с Сибирским Учреждением регион разделялся на Западную и Восточную Сибирь и далее на округа, волости, инородные управы — всего, таким образом, устанавливалось четыре звена (степени) управления. Реформа заключалась в ограничении единоличной власти государственных чиновников губернского и окружного уровней путем регламентирования порядка делопроизводства и создания советов при высшем должностном лице. Особенностью Сибирского Учреждения стало также законодательное регулирование отношений с коренными народами, проживающими на территории Сибири.

Все обитающие на данной территории инородные племена по виду хозяйственной деятельности и образу жизни делились на три главных разряда:

1) оседлые инородцы (живущие в городах и поселениях), которые в основном занимаются торговлей или земледелием, представители малочисленные родов, обитающие смешанно с русскими, давно состоящие в работах у поселян;

2) кочевые инородцы (занимающие определенные места, которые они меняли в разные времена года), занятые в основном земледелием и скотоводством;

3) бродячие или ловцы (переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам),

занимающиеся в основном звероловным и рыболовным промыслом и не имеющие никакого места жительства.

В соответствии с указанными категориями организовывалось административное управление. Оседлые инородцы по образу управления были приравнены к волостному и равны россиянам в правах и обязанностях.

Система управления кочевых и бродячих инородцев включала два звена: родовое управление и инородную управу. Первое учреждалось для каждого стойбища или «рода», имевшего не менее 15 семей. Инородная управа представляла собой хозяйственно-административное, судебное и полицейское учреждение, которое возглавлял голова, и куда входили заседатели, избираемые на три года. Инородная управа непосредственно подчинялась окружному начальнику.

Следующий законодательный акт сибирской реформы «Устав об управлении инородцев» определил правовой статус коренного населения Сибири. Значимость этого нормативно-правового акта заключалась в том, что он придавал сибирскому коренному населению сословный статус, устанавливал права и обязанности инородцев и государства, сохранял возможность родовой организации управления («степные думы») и правового регулирования внутренних отношений с использованием обычая: «кочующие и бродячие инородцы управляются по их собственным степным законам и обычаям» [Сословно-правовое положение..., 1999. С. 90].

Законодательный акт также предоставлял права местным властям устанавливать размеры сборов с инородцев. Основной идеей создания устава стала опора на родовую систему управления, как наиболее понятную для восприятия коренного населения. Стоит отметить, что такая форма самоуправления фактически просуществовала вплоть до 1920-х годов. Основопологающим при создании нормативного акта об управлении инородцами стал принцип ограниченного и осторожного вмешательства государства в систему традиционных социально-культурных и экономических отношений коренных народов, что крайне актуально и в настоящее время.

Важными вехами в развитии местного самоуправления в дореволюционной России

стали земская и городская реформы, проведенные во время правления Александра II. Впервые в истории страны появились органы местного самоуправления, законодательно не включенные в систему государственной власти и формально действующие независимо от нее, т. е. были заложены основы формирования муниципальной власти.

Правительство отказалось от проведения в Сибири полномасштабной земской реформы, так как в органах управления неизбежно стали бы преобладать крестьяне. Проведение земской реформы в стране показало, что развитие местного самоуправления не укладывается в рамки самодержавия как основы государственного строя и этот вывод все больше проникает в народное сознание.

Крупная попытка реформирования местного самоуправления была предпринята Временным Правительством. В августе 1915 года сибирская парламентская группа вновь поднимает вопрос о земских учреждениях в регионе. Она собрала под законодательным предложением, в основном, повторяющем отклоненный в 1912 году законопроект, 72 подписи.

Решительно против законопроекта выступили представители Министерства внутренних дел, в ведении которого в то время находилась вся система местного самоуправления в империи. В декабре 1916 года ведомство обнародовало свой проект земского самоуправления в Тобольской и Томской губерниях, с одновременным выделением из последней Алтайской губернии.

В записке, прилагавшейся к тексту законопроекта содержалась краткая характеристика региона. В сочетании с экстремальными природно-климатическими условиями территории отличало: «громадные пустынные пространства лесов и тундры, с редким населением по берегам рек, совершенное отсутствие путей сообщения, кроме тех же рек; преобладающее некультурное инородческое население, ведущее кочевой или полукочевой образ жизни, и, сравнительно крепкое, но количественно ничтожное русское население, до сего времени занятое борьбой с суровой природой севера, в большинстве ищущее средства теми же способами, что и инородцы» [История Ямала..., 2006. С. 134].

В таких условиях, по мнению чиновников

МВД, местное население не сможет содержать земские учреждения и финансировать их деятельность посредством земских сборов. Всего, по представленным подсчетам, минимальные затраты только по Березовскому уезду должны были составить 70 тыс. руб. в год, а население, при существующих ставках налогов и земских сборов, было в состоянии внести только 10 тыс. руб. Недостающие средства составители проекта предлагали компенсировать на паритетных началах за счет казны и земских сборов в более населенных южных уездах губернии, при этом за северными территориями сохранялось определенное количество мест и стипендий в Омской центральной фельдшерской школе, Тобольской акушерско-фельдшерской школе и Тобольской ветеринарно-фельдшерской школе.

Основной структурой в системе управления земско-хозяйственными вопросами в соответствии с «Временными правилами о земских повинностях в уездах Березовском, Сургутском и в тех частях Тобольского и Туринского уездов Тобольской губернии, на которых не распространяется Положение о губернских уездных земских учреждениях, а равно в Тогуртском уезде Томской губернии» объявляется уездный съезд.

Съезд созывается один раз в год с разрешения губернатора и рассматривает проект сметы земских доходов и расходов на очередной год, определяет денежный эквивалент натуральных денежных повинностей, обсуждает проект раскладки натуральных повинностей по волостям и другие вопросы, связанные с земскими повинностями. Кворум определяется в половину от общего числа участников съезда, постановления принимаются простым большинством голосов; при равенстве их «мнение председателя дает перевес». Сметы визируются губернатором и поступают на окончательное утверждение министра внутренних дел, который имел право их корректировать.

Для повседневного руководства земскими нуждами образовывается уездный комитет в составе исправника (председатель), податного инспектора, представителя управления земледелия и государственных имуществ, городского старосты г. Березова и одного из волостных старшин или руководителя инородных управ территории, назначенных губернатором. Соз-

данные таким образом органы ведали примерно таким же кругом вопросов, что и земские учреждения в целом по стране (образование, здравоохранение, агрономическая помощь, пути сообщения и т. д.).

Источниками земских доходов в пределах уезда объявлялись сборы с рыболовных участков, состоящих во владении казны, частных лиц, крестьян и аборигенов в размере не свыше 15% от извлекаемого дохода; сборы с оленей. Поголовье их исчисляется раз в три года в присутствии станového пристава и членов инородной управы. В качестве пособия для пополнения доходной части сметы земских сборов предусматривалось отчисление из бюджета губернского земства и пособие от казны в размере 30 тыс. руб. для всех северных территорий Тобольской губернии.

Проект предлагалось ввести в действие с 1 января 1919 года, разработанная система в минимальной степени допускала участие местных жителей к решению вопросов, относящихся к компетенции земских учреждений и фактически сохраняла административный контроль за ним. Однако, в силу известных общественно-политических событий этим замыслом не суждено было сбыться.

Основной принцип политики Российской Империи в отношении устройства местной власти заключался в отделении местного самоуправления от системы органов государственной власти и одновременно встраивании местной власти в систему исполнения общегосударственных задач. В итоге, органы местной власти (несмотря на формальное отделение от государственной власти) на практике хотя бы в какой-то части становятся и воспринимаются как нижнее звено государственной бюрократической машины.

Постреволюционные преобразования в нашей стране начались с того, что все выборные (представительные) органы населения — Советы — вошли в единую систему государственной власти, став, таким образом, государственными органами на местах. Конституция РСФСР 1918 г. закрепила положение, что Россия является Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которым принадлежит вся власть в центре и на местах, при этом система Советов всех уровней провозглашалась политической

основой государства. Этот базовый тезис полностью отражала избирательная система, обеспечивающая избрание лишь представителей социальных групп, объединенных понятием «трудящиеся».

По определению экспертов, советские органы самоуправления 1920-х гг. не имеют аналогов в мире. Это не представительные, а профессиональные органы, встроенные в вертикаль избранных советских органов (как органов государственной власти). При этом во многом благодаря усилиям этих «самоуправлений» удалось преодолеть разруху и восстановить экономику [Российское местное самоуправление, <http://www.riocenter.ru/ru>].

Туземное население Обдорска было «чрезвычайно далеко от понимания разницы в смысле изменившегося государственного строя, и, если, различные государственные мероприятия, кровно затрагивавшие собственнические интересы туземного населения (разверстка, различные налоги и натуральные повинности), не встречали с их стороны отказа, то скорее это объясняется непониманием с их стороны сущности и необходимости в налогах и повинностях, а его вековой привычкой повиноваться. «Царю платили и вам будем платить» — обычная формула туземных отношений с государством, независимо от его конструкции и цели» [Сосунов, 1925. С. 79, 80].

В 1922 году в системе Народного комиссариата по делам национальностей, действующего при Сибирском революционном комитете, в отделе национальных меньшинств создается Полярный подотдел по охране и управлению первобытными племенами Севера России в составе двух ученых-консультантов — П. И. Сосунова и Д. Т. Янович. В сферу деятельности подотдела входят северные уезды Тюменской губернии.

В феврале 1922 года проходит съезд ватажных старшин кочевого и оседлого населения Обдорского района. Несмотря на малограмотность его главных действующих лиц, обсуждался вопрос о местном самоуправлении, или «о выделении из русского управления остяцко-самоедского населения и образовании независимого национального управления в области хозяйственной, политической, промышленной, экономической». После долгих обсуждений съезд постановляет: «Ходатай-

ствовать перед соответствующими органами, ведающими делами наций, о предоставлении права выезда в Центр инородческой делегации по данному вопросу, и составом настоящего съезда уполномочив командирующегося в Центр П. И. Сосунова восстановить ходатайство по данному вопросу, уполномочив его в правах представителя от настоящего съезда с правом решающего голоса по всем вопросам, затронутым на данном съезде. С подлинным верно, что и удостоверяется по обычаю приложением тамга и печати. Василий Тайшин и Никифор Вануйта» [Судьба малых народностей..., 1994. С. 71].

Затем, летом того же года обдорской советской партийной и хозяйственной элитой была выдвинута национал-коммунистическая идея «автономизации» Обского Севера. Проект создания автономной республики народностей Севера — Полярной Федерации — активно обсуждался на первой конференции племен Полярного Севера, состоявшейся в июле 1922 года в с. Самарово по инициативе Наркомнаца. Северные народности представляли пятнадцать делегатов от Тобольского Севера, в том числе от Обдорской волости. Приглашенные из Томской, Енисейской, Архангельской губерний на конференции не присутствовали. Не принимали участие в ней и партийные и советские органы, поскольку узнали о конференции в последний момент.

После долгих прений о тяжелом экономическом положении на Обском Севере, вызванном нехваткой продуктов питания, нехваткой охотничьего оружия и припасов, запретом властей на лов рыбы в некоторых угодьях, конференция приняла решение - просить Наркомнац о выделении Крайнего Севера на основе как административных, так и хозяйственных влияний соответствующих губерний в независимую административную единицу областного масштаба вплоть до образования представительства в соответствующих органах центра. Развернутая резолюция съезда признавала за туземным населением право на выделение в административную единицу, определяла рамки судопроизводства, хозяйственного строительства и землепользования, основные условия охоты и рыболовства. Доклад и резолюцию подписали своими родовыми метками Н. Вануйто, В. Тайшин, И. Хороля и др.

Но центральной и губернской властями план создания Полярной Федерации был категорически отвергнут. Губком РКП(б) в Тюмени осудил идею выделения Тобольского Севера в составе Березовского и Сургутского уездов в «автономную национальную административно-хозяйственную единицу», объявив ее результатом «домогательств со стороны представителей частного капитала».

В ноябре 1923 г. в ходе административно-территориальной реорганизации Тюменской области Обдорск становится административным центром одноименного района, образованного из прежней волости, и входит в состав Тобольского округа Уральской области с центром в Екатеринбурге. При этом не учитывались издавна сложившиеся традиционные хозяйственные связи северного региона, который больше из политических соображений был административно прикреплен к крупному промышленному центру. Это нарушало логику предшествующего исторического развития Обдорского края [Мухина, 2006. С. 185].

Работа советского государственного аппарата велась практически только в Обдорске и нескольких населенных пунктах, почти не распространяясь за их пределы. Попытки властей слово в слово применять к тундре декреты и распоряжения центральной советской власти имели мало успеха на обдорских окраинах, находящихся «в резких национальных, географических, климатических и экономических и бытовых противоречиях с центральной Россией» [Сосунов, 1925. С. 79, 80].

С 1922 г. в состав Обдорского волрайисполкома стали вводиться представители коренного населения, избираемые на сельских собраниях, туземно-кочевых съездах, осуществлявших связь между местной властью и туземным населением. Первые туземные Советы на Обском Севере появились в первой половине 1920-х гг. В 1922 г. создан Хэнский туземный совет, в 1923 г. — Тазовский, а к концу 1925 г. — Тазовский туземный волостной исполнительный комитет. В 1927 г. созданы Ямальский и Приуральский туземные Советы. Однако в целом до 1925 года у малочисленных народов Тобольского Севера самостоятельных советов, которые бы учитывали все особенности жизни местного населения, не было.

В июне 1924 года вместо упраздненного

Наркомнаца создается Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) при Президиуме ВЦИК, а также его местные органы — Уральский областной комитет Севера и Комитет Севера при Тобольском окружном совете рабочих и крестьянских депутатов. В результате обследования края представительной комиссией Уралоблисполкома на Севере принимается решение создать систему управления и самоуправления, отвечающую условиям быта, традициям местных народов и принципам советского строительства.

Были выдвинуты предложения, направленные на создание у хантов и ненцев родовых советов. На Обском Севере как переходная форма на пути к системе советов вводится временное административно-правовое устройство, включавшее двухуровневое местное национальное самоуправление: родовое собрание и родовой совет; районный туземный съезд и районный туземный совет, избиравший исполком взамен прежнего родового управления инородных управ.

Во время выборной кампании зимой 1925—1926 годов начался переход к этой системе, а в октябре 1926 года она была утверждена принятым ВЦИК и СНК РСФСР «Временным положением об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР». К осени 1930 года в Обдорском районе действовали Кушеватский, Сынский, Тазовский, Шурышкарский туземные районные Советы, а также кочевые Уральский и Ямальский тузсоветы с резиденциями в местах зимних и летних кочевий и 34 юртовых, родовых, ватажных Советов ненцев и хантов. Формирование туземных советов было компромиссом между советской властью и родоплеменным устройством народностей Севера. В новой системе национально-территориального районирования Севера в основу было положено выделение по национальному принципу целостных хозяйственных территорий.

С конца 1920-х гг. Советское государство пошло на ликвидацию начал самоуправления, а также институтов и правовых форм (включая институт частной собственности, гражданские права), являвшихся источником указанных начал и их основой. Партийным руководством были приняты известные решения о централизации хозяйственного управления и усилении

роли партии. Весь процесс завершился принятием сталинской Конституции, которая узаконивает систему «демократического централизма» в управлении страной и частной жизнью. Таким образом, процесс становления и развития местного самоуправления в исторически сложившихся формах был в известной степени прерван.

В 1928 г. центральный Комитет Севера поставил в качестве основной задачи «создание национальных округов, населенных туземцами определенной народности, объединенных под властью туземных советов, обладающих правом распределения хозяйственных участков, как между туземцами, так и между пришлыми колонистами» [Советское строительство, 1928. С. 101].

10 декабря 1930 г. Президиум ВЦИК принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера», что явилось переломным моментом в жизни Обдорска. Он стал административным центром Ямальского (Ненецкого) национального округа, образованного на части территории Тобольского и Енисейского Севера и включавшего пять районов: Надымский, Нижне-Тазовский, Приуральский, Пуровский, Ямальский. Впоследствии округ дополнили Шурышкарский и Красноселькупский районы.

В мае 1931 года решением Малого Президиума Уралоблсполкома утвердили положение об окружных съездах Советов, окружных и районных исполкомах Ямальского (Ненецкого) и Остяко-Вогульского округов, а в июне того же года был образован окружной исполком.

10 сентября 1931 года Президиум ВЦИК издал постановление «О проведении перевыборов Советов, районных и окружных съездов Советов в национальных округах Крайнего Севера». Постановление устанавливало сроки перевыборов и нормы представительства в Советы и на съезды Советов. Учитывая местные географические особенности, на перевыборы отводилось почти полгода — с сентября 1931 по январь 1932 года. Обращает на себя внимание тот факт, что законодательством того времени устанавливались особые нормы избрания большего количества депутатов от меньшего количества населения. Так, в сельские советы

один депутат избирался от 30 человек, в туземные — от 50, на районные съезды Советы делегировали одного представителя от 100 человек населения.

В 1936 году была принята новая Конституция СССР, ст. 2 которой установила, что политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата. Вместо съездов советов рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов в губерниях, уездах, волостях местными органами власти стали Советы депутатов трудящихся краев, областей, автономных областей, округов, районов, городов, сел (станций, деревень, хуторов, кишлаков, аулов).

Конституция РСФСР 1937 года, кроме вышеперечисленных административно-территориальных единиц, предусматривала также национальные округа и административные округа. Особый статус получили автономные области и национальные округа. По новому законодательству Ямало-Ненецкий национальный округ получил представительство в высшем органе государства — Совете национальностей Верховного Совета СССР. «Во время подготовки к выборам на территории округа работали 339 агитаторов, 161 кружок, всевозможными формами агитационно-пропагандистской работы было охвачено около 18 тысяч трудящихся. На выборы в Верховный Совет СССР явилось 18620 избирателей, или более 95% населения» [Морозов, Харючи, 2004. С. 68].

В целом, несмотря на перекосы Советской власти, сложившаяся в то время система выборов на Севере, закрепила права малочисленных народов в представительной и исполнительной власти, что позволило сохранить их традиционный уклад жизни даже в условиях жесткого промышленного освоения и обустройства Ямала, которое началось в 1970-е гг.

С созданием национальных округов стала складываться новая система государственной власти и в Ямало-Ненецком автономном округе. Она состояла из окружного съезда Советов, окружного исполнительного комитета Советов, районного съезда Советов и районного исполнительного комитета, сельских (кочевых) Советов. Последние определяли свою

деятельность сообразно особенностям жизни и быта коренного населения.

В 1970-е годы в результате принимаемых мер в Ямало-Ненецком автономном округе сократились младенческая и детская смертность, снизился уровень заболеваемости, существенно увеличилась продолжительность жизни. В тундре был создан медицинский комплекс и комплекс народного образования, построены рыбозаводы, созданы колхозы и совхозы. В 1964 г. Ямало-Ненецкий национальный округ приобрел современное административно-территориальное устройство в составе Надымского, Приуральского, Пуровского, Селькупского, Тазовского, Шурышкарского, Ямальского районов.

Вместе с тем, укрепление советской власти привело к фактическому отказу от употребления в нормативной лексике понятия «местное самоуправление» и замене его на «всевластие Советов». Поэтому не случайно, местное самоуправление того времени определяется, как государственное управление каким-либо кругом дел на местах, образуемое посредством избрания уполномоченных на то лиц от господствующего класса местного населения.

Новая Конституция РСФСР 1978 года, вслед за Конституцией СССР 1977 года изменила название советских органов, они стали Советами народных депутатов, но сохранила в полном объеме их статус и принципы взаимоотношения с вышестоящими Советами. Главной особенностью Советов считалось то, что в качестве народных представительных органов они являются распорядителями богатств народа, поэтому в какой-то степени любой местный Совет теоретически мог использовать любые необходимые государственные ресурсы. Непосредственно же местными Советами закреплялось то государственное имущество, которое не имело статуса союзного или республиканского значения, т.е. того, которое было предназначено для определения нужд местного населения. Местные Советы обладали и собственными финансами для решения вопросов местного государственного значения, хотя самостоятельно ими не распоряжались.

Советскую систему отличало единство административно-территориального устройства страны. Вместе с тем, масштабы страны и ее многоукладность объективно делали не-

возможным тотальное государственное администрирование. Некоторая сфера жизни оставалась местным органам власти, имевшим сильную связь с населением, защищавшим его интересы. До сих пор сохранились традиции обращений граждан в «исполком», то есть в органы местной власти. При этом местная власть обладала достаточной компетенцией и ресурсами, чтобы решать проблемы местного значения, что и обеспечивало устойчивость связи этой власти с населением.

В этот период развитие общественных форм участия граждан в местном управлении принимает самые разнообразные формы. При исполнительных комитетах местных Советов практикуется избрание внештатных сотрудников и даже создание внештатных формирований, образовывались различные комиссии: административные, наблюдательные, по делам несовершеннолетних, по борьбе с пьянством, по соблюдению законодательства о религиозных культах, по назначению пенсий и т. д. Возникают различные общественные советы: по работе товарищеских судов; поселковые, сельские, уличные, квартальные, участковые, домовые общественные комитеты; общественные советы при учреждениях культуры, здравоохранения, социального обеспечения; добровольные народные дружины, общественные пункты по охране правопорядка и т. д. Все эти формы самоорганизации населения можно сопоставить с территориальным общественным самоуправлением, т. к. необходимые властные полномочия у них отсутствовали. Следует отметить, что созданный в советском государстве опыт участия населения в управлении может быть эффективно использован в процессе развития демократических основ государства.

В той или иной мере местная власть в РСФСР имела собственные ресурсы, формировалась путем выборов, и, как правило, состояла из представителей местного населения. Однако, местное самоуправление не являлось самостоятельным. Конституция СССР 1977 года и действующие конституции союзных и автономных республик не допускают сведения функций местных Советов к местному самоуправлению. Эта позиция означает неуклонное повышение роли местных Советов именно и прежде всего как органов государственной власти [Лукиянов, 1978. С. 268].

В эпоху советской власти местное самоуправление переживало противоречивый период своего существования. С одной стороны, Советы как органы народного представительства стали основой государственной системы и пронизали ее сверху донизу. Ее низовые звенья являлись своеобразным симбиозом органов государственного и местного управления. Но самостоятельность и компетенция их были ограничены, так как занимались они в основном воплощением директив партии и правительства. Так, XXVII съезд КПСС отмечает, что «самоуправленческие начала развиваются не вне, а внутри нашей государственности, все глубже проникая во все поры государственной и общественной жизни» [Материалы XXVII съезда КПСС, 1986. С. 55].

Высокая степень централизации, несамостоятельность местных Советов, реальное доминирование исполкомов над Советами и фактическая зависимость всех местных органов от органов Коммунистической партии — стали очевидны уже на начальных этапах становления советской власти, однако, их так и не удалось преодолеть.

В соответствии с Конституцией РСФСР 20 ноября 1980 года принят закон РСФСР «Об автономных округах РСФСР», который определял правовое положение автономных округов в системе Советского государства. Закон определял основные принципы образования и деятельности Совета народных депутатов округа, исполкома Совета как органа государственной власти. Основные принципы организации окружного Совета определялись Законом СССР «Об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов, автономных областей и автономных округов», а также Законом РСФСР «Об автономных округах РСФСР». Указанные нормативные правовые акты не учитывали региональные особенности автономных округов и строились на общих для всех основаниях.

В соответствии с перечисленными законами окружной Совет решал вопросы местного значения исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан территории, с учетом национальных и иных особенностей, но для решения этих вопросов не имелось собственной правовой базы, только общерос-

сийская или общесоюзная. Основной задачей окружного Совета было руководство на своей территории государственным, хозяйственным, социально-культурным строительством. Окружной Совет обеспечивал в пределах своих полномочий комплексное социально-экономическое развитие территории, а бюджет автономного образования являлся составной частью краевого или областного бюджетов.

С конца 1980-х гг. государственный механизм перестраивался стихийно, без какого-либо продуманного плана, быстро и бессистемно. Муниципальные реформы начались уже в 1990–1991 гг еще до принятия Конституции, отражающей общественные перемены, без определения формы государственного устройства, правительственного механизма. Так, местным советам был «присвоен» статус местного самоуправления и дана определенная автономия. На практике они продолжали исполнять компетенцию прежней власти плюс решали стихийно возникавшие задачи на злобу дня, по существу, во многом самостоятельно определяя свои полномочия.

Вместе с тем, реформы 1990-х гг. позволили решить ряд важных задач, связанных с созданием работающих структур местной власти, и к началу 2000-х гг. были осуществлены конституционное признание, закрепление принципа автономности муниципальной власти в пределах общего контекста публичной власти.

В 2003 году с принятием закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» начался новый этап преобразований. Процесс реформирования системы местного самоуправления вступил в решающую стадию: с 2009 года Закон действует во всех субъектах Российской Федерации без исключения. В мае 2014 года федеральный закон 136-ФЗ внес очередные изменения в принципы организации местного самоуправления. На этом этапе есть необходимость дать оценку процессу реформирования местного самоуправления, определить направления оптимизации взаимодействия государственных и муниципальных властей и пути преодоления недостатков в законодательстве и реальной практике, в том числе на основании анализа исторического опыта.

БИБЛИОГРАФИЯ

История Ямала: дискуссии и научные решения / Отв. ред. В.П. Тимошенко. — Салехард—Екатеринбург, 2006. — С 99.

Лукьянов А.И. Развитие законодательства в советских представительных органах власти. — М., 1978. — С.268.

Материалы XXVII съезда КПСС. Развитие законодательства в советских представительных органах власти. — М., 1986. — С. 55.

Морозов Ю.А., Харючи С. Н. Представительная власть в судьбе Ямала. — СПб., 2004. — С.68.

Мухина Е.В. Национально-государственное строительство: поиски решений // *История Ямала: дискуссии и научные решения*. — Салехард—Екатеринбург, 2006. — С 185.

Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003—2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития // <http://www.giocenter.ru/ru>.

Советское строительство. На фронте крайнего Севера // *Северная Азия*. — 1928. — № 3. — С.101.

Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI — начало XX века): Сборник правовых актов и документов / Редактор-составитель А.Ю. Конев. — Тюмень, 1999. — С. 90.

Сосунов П.И. Тобольский Север // *Северная Азия*. — 1925. — № 4. — С 79-80.

Судьба малых народностей Обь-Иртышского севера. — Тюмень, 1994. — С. 71.

Ненцы в истории
Ямало-Ненецкого автономного округа

Харючи Г.П. (Салехард), Петрова В.П. (Тюмень)

История каждого народа заслуживает уважения и изучения. Ненецкому народу посвящено немало книг и статей, написанных историками, этнографами, археологами, лингвистами. Вместе с тем многие вопросы еще остаются слабоизученными. В истории Обского Севера и Ямало-Ненецкого округа есть еще немало «белых пятен».

В сложной цепи событий, к которым был и остается причастен ненецкий народ, имеются неясные и дискуссионные моменты. Книга «Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа» (1999) подготовлена с использованием малоизвестных и недавно опубликованных архивных документов. Научно-популярные очерки сочетают в себе исторический и этнографический материал. Переиздание 2-е дополнено (2000) словарем, вопросами и заданиями как учебное пособие.

Авторами выделены основные события, определены их причины, последствия, даны ответы на некоторые вопросы. Одни и те же события истории всей нашей страны вызывают порой противоречивые оценки, но они касаются судьбы каждой семьи, каждого из нас. Поэтому, знакомясь с позицией авторов книги, документами, каждый читатель может определить свою собственную позицию, свое собственное отношение к изучаемым событиям.

В конце книги приводятся документы и список литературы, использованные при ее подготовке, хронология самых важных событий, случившихся на Ямале, пояснение имен и терминов. Написание имен и фамилий дается в соответствии с текстом документов, на которые опирались исследователи; при этом надо учитывать, что не всегда запись ненецких имен и фамилий в документах соответствовала их правильному написанию и произношению.

Первоисточниками служат публикации и архивные документы. При подготовке книги были использованы документальные материалы Государственного архива Тюменской области (ГАТО), Тобольского филиала ГАТО, Тюменского областного центра документации

нашей истории, Государственного архива Ямало-ненецкого автономного округа. Рисунки выполнены по фотографиям из фондов Ямало-Ненецкого окружного краеведческого музея. В оформлении обложки использовано фото Е. Гапонова.

Далекий северный край в течение прошлого века поразительно изменился. Патриархальный, малообжитый район России стал индустриальным сердцем страны, выросли города и поселки, созданы разнообразные отрасли промышленности. Российское государство на протяжении XX века с разной степенью интенсивности постоянно уделяло внимание социально-экономическому и культурному развитию народов Севера в целом и ненцев в частности. Однако решались эти задачи чаще с позиции социалистического строительства, при этом менялся традиционный образ жизни, быта и культуры ненцев и других народов.

Более 80 лет история ненецкого народа связана с развитием Ямало-Ненецкого округа. Огромную роль в развитии округа в становлении экономики округа сыграли все народы нашей страны. В процессе социально-экономического развития округа произошла модернизация хозяйственного и жизненного уклада коренного населения округа. За восемь столетий государство смогло улучшить жилищные условия, медицинское обслуживание большинства населения, ввести всеобщее среднее образование, создать письменность и литературу, подготовить специалистов с высшим образованием из представителей малочисленных народов Севера. На территории округа не удалось избежать некоторых разрушительных последствий социалистических преобразований и интенсивного промышленного освоения края.

Открытие месторождений нефти и газа коренным образом изменило не только судьбу округа, но и его роль в экономике области и страны. Стратегическое значение округа в экономике страны сохранится и в будущем, что позволяет надеяться на успешное развитие

округа на долгие годы, а значит, и на лучшие условия жизни для его жителей.

Образование национального округа и создание новых органов власти в нашем крае происходили в сложный для государства период. По всей стране шло строительство новых фабрик, заводов, изменялся уклад жизни миллионов крестьян, началось и радикальное преобразование Севера. В то же время этот период характерен усилением тоталитарного режима. Миллионы людей попали в жернова репрессий. В полной мере пережили суровые испытания 30-х гг. и жители далекого от Москвы Ямало-Ненецкого национального округа.

Реформирование власти сопровождалось лишением избирательных прав, жестким проведением заготовок пушнины, оленей, конфискацией имущества, арестами. Политика коллективизации приводила к ликвидации зажиточных оленеводческих хозяйств. Задания, устанавливаемые для них, были чрезвычайно высокими. Так, М. Салиндеру было установлено твердое задание 20 тыс. рублей. При заготовительной цене 7 руб. 50 коп. за пуд оленины оленеводу для покупки мешка муки нужно было сдать 30-40 оленей. За 1933 год государство должно было жителям округа 11,5 тонны хлеба. Ненцев продолжали обманывать при заключении договоров и проведении заготовок. Оленей часто забирали без оплаты или выдавали облигации, а в Ямальском районе обещали заменить важенками, которых фактически в наличии не было. Заготовители и уполномоченные порой за невыполнение задания забирали у кочевников одежду и обувь.

Определенная часть населения тундры поддержала политику государства по ограничению зажиточных оленеводов и созданию колхозов и совхозов, надеясь найти в них избавление от нужды и нищеты. На собраниях бедноты и батраков принимались решения о распределении твердых заданий по пушнине, оленям, об изъятии оленей у богатых оленеводов. В то же время были нередки случаи, когда батраки поддерживали своих хозяев, выступали против раскулачивания.

Традиционные формы помощи богатых оленеводов бедноте рассматривались как эксплуатация. Все это вызывало недовольство ненецкого населения советской властью и ее представителями — национальными советами.

Особо остановимся на трагических событиях — так называемых *мандала* 1934-го и 1943-го годов. В течение 1932-1933 гг. в округе шло стихийное проявление протеста: срыв перевыборных собраний, отказ сдать оленей, их массовый забой и раздача бедноте. Материальной базы, денежных средств, хлебных запасов у государственных органов для проведения заготовок не было, поэтому выполнить плановые задания местные власти могли, лишь осуществляя судебный и административный нажим.

В апреле 1933 г. за отказ сдать оленей и избивание члена национального совета были арестованы и отправлены в Обдорск шестеро оленеводов. Из них Тилянг Окатэтта, Апчи Окатэтта, Нгеси Вэненга и Няккочи Вэненга были увезены в Тобольск и осуждены на 10 лет. В тундру они не вернулись. Аресты подтолкнули ненцев к протесту. Зажиточные оленеводы призывали ненцев не подчиняться советам. Деятельность Нейтинского, Тамбейского, Теутейского национальных советов была остановлена. Около 500 хозяйств откочевали подалее в тундру и отказались выполнять требования властей.

Свое недовольство политикой государства ненцы выразили, выдвинув ряд условий. Секретарю Тамбейского совета Демнтьеву было заявлено, что группа ненцев, объединяющая 2500 человек, требуют: «...все, что вы у нас забрали, — верните, арестованных всех верните назад, если кого арестуете, все равно отберем. Шаманы и кулаки должны вами считаться, как и мы их считаем, равноправными».

В основе претензий к власти была попытка восстановить традиционный уклад и образ жизни, обеспечить оптимальные условия выживания в тундре, сохранить родовое самоуправление.

Окружные власти пытались изменить ситуацию, противопоставить бедноту и середняков зажиточным оленеводам и повести за собой основную часть жителей тундры. Выезд в тундру Красных чумов, разъяснительная работа коммунистов результатов не давали. Длительное неповиновение ненцев советской власти вызвало уже серьезное беспокойство местных руководителей, и тогда 10 декабря 1934 г. на внеочередном заседании Ямало-Ненецкого окружкома ВКП (б) было решено в связи с активизацией «кулацко-шаманской организа-

ции «Мандолыда» просить областной комитет ВКП (б) разрешить операцию по изъятию главарей группы. Местные деятели чаще называли ту организацию «Мандола», «Мандала», что не соответствует ненецкому языку; правильное сказать «Мандалада» или «Мандалама» - дословно «группа людей» или «собравшиеся».

Таким образом, вина за срыв торгово-заготовительной деятельности, медленную коллективизацию, слабость органов власти на Ямале возлагалась на якобы существующую антисоветскую организацию «Мандала». Сотрудниками Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) были арестованы 8 человек, 11 сентября 1935 г. специальная коллегия областного суда приговорила их к тюремному заключению сроком от 4 до 8 лет.

Волнения ненцев в 1932-1934 гг. были направлены не против советской власти в целом, а против действий этой власти и ее представителей. И вызвано это было тем, что политика государства в 30-е гг. была направлена во многом против традиций, обычаев, уклада жизни коренных народов Севера. Здесь не было антисоветской организации, а имело место достаточно массовое движение, когда на защиту своих интересов объединились ненцы в «мандаладу» - так как это делали их предки. Сопrotивление ненцев мероприятиям советской власти было сломлено, государство было сильнее, и в дальнейшем активных форм противодействия не было. Ненцы смогли приспособиться к колхозной жизни, хотя предпочитали сохранять свои традиции.

Ужесточение политики в округе совпало с общим курсом партии на усиление чрезвычайных методов управления страной и Севером, в частности. В 1935 г. ликвидируется комитет Севера, и монопольное право управления северными территориями передается в Главное управление Северным морским путем. Таким образом, события в Ямальской тундре, как и схожие выступления на Казыме, были использованы как один из поводов дополнения местного административного управления через округа более мощной политически-хозяйственной структурой с чрезвычайными полномочиями, не подчиняющейся местным властям.

Формирование органов власти и отправление судопроизводства на Севере по общесо-

юзному законодательству поставили малочисленные народы в полное подчинение государству.

Политика коллективизации и ликвидации кулачества привела к многочисленным репрессиям против зажиточных оленеводов. Жестоко преследовались и шаманы, так как религиозные верования были объявлены предрассудками, а шаманы считались врагами советской власти. Запрещались традиционные обряды и праздники. Все это вызывало недовольство населения округа. Борьба с религиозным мировоззрением и традиционными обрядами привела к обесцениванию этих элементов национальной культуры ненцев, хотя вековые традиции нельзя уничтожить окончательно, и народ их сохранил.

Еще одной трагической страницей является Мандала -1943 года. К народам, подвергшимся репрессиям в годы войны, можно частично отнести и ненцев Ямала. В 1943 г. работники органов государственной безопасности спровоцировали выступление ненцев против власти, которое по аналогии с событиями 1943 г. получило название «мандала». Начальник Ямальского райотдела уговаривал председателя колхоза «Красный Октябрь» Манса Езынги провести антисоветскую агитацию, объединить оленеводов в мандалу для дележа колхозных оленей (возврат хозяевам). В тяжелые военные годы обстановка в тундре была напряженной: отсутствие хлеба, тяжелое бремя налогов, порой непосильный труд могли подтолкнуть ненцев на противодействие властям, но никаких открытых проявлений недовольства не было.

На провокационные призывы Манса Езынги большинство колхозников ответили: «Зачем? Ненцам мандала не нужна». Однако Манс Езынги смог уговорить Сатако Яптика и Селе Вэнго (отец которого был репрессирован в 1937 г.) забрать колхозных оленей; убедить остальных не удалось, несмотря на то, что по старой традиции была изготовлена и отправлена «*пидтевы ня*» - палка для обозначения тамг участников всеобщего сбора. А. Медведев уже радировал в округ: «В колхозах Калинина, Сталина, Кирова, 1 мая, Нярьяна-Нумги установлена повстанческая мандала. Руководят Вэнго Селе и Яптик Сатако. Мандалисты делят колхозные стада. Угрожают вооруженным

выступлением. Оружия имеют недостаточно: 5 винтовок». Чтобы обострить ситуацию, Медведев обстрелял стойбище Селе Вэнго, чем подтвердил слухи о якобы готовящейся расправе над ненцами. Призывы Езынги к протесту увенчались успехом. Оленеводы откочевали в район реки Пяседей и начали делёж колхозного стада. Других активных действий они не предпринимали. Местные чекисты сообщили о восстании в тундре в областной центр – Омск и попросили помощи в подавлении восстания. Начальник областного управления госбезопасности Быков отправил в Салехард полковника Гаранина с опергруппой для борьбы с мятежом в Ямальской тундре.

На подавление мифического восстания из Салехарда в тундру были отправлены оперативные работники и рота солдат. 25 декабря 1943 г. опергруппа начала операцию в тундре. Медведев предложил ненцам собраться на собрание, и когда более 150 ненцев съехались к стойбищу Сатоко Яптик, было объявлено об аресте 50 человек. Некоторые пытались бежать, но по ним открыли огонь, семь человек было убито, арестованных увезли в Тамбей.

Ямало-Ненецкий окружком партии в январе 1944 г. оценил эти события как организованное выступление с оружием в руках «кулацко-шаманской части тундрового населения» против «мероприятий органов советской власти («мандалой»), которая после решительных действий опергруппы прекратила сопротивление, отошла на место постоянных стоянок колхозов, притупила к промыслу зверя и рыбодобычи. Такая оценка событий 1943 г. не соответствовала действительности.

Провокация эта повлекла за собой тяжелые последствия. 51 человек были арестованы, из них 41 умерли во время следствия. Сатоко Яптик и Нелико Яунгад получили по решению Особого совещания НКВД по 3 года лагерей, остальные были освобождены. В ходе следствия применялись угрозы и побои, а протоколы фальсифицировались. Были получены показания на 265 оленеводов как участников восстания.

Партийные и советские руководители округа не смогли разобраться в реальности обвинений и сути произошедших событий.

Все объясняли «запущенностью массово-политической работы среди населения тундры» и постарались скрыть информацию о том, что произошло.

Анализ событий на Ямале, проведенный А.А. Петрушиным (1990) и А.С. Пимановым (1997), показал, что здесь имели место проявления недовольства части оленеводов Ямальского, Приуральского районов тяжелым положением. Однако никаких антигосударственных действий они не предпринимали, да их и не могло быть в условиях военного времени. Коренные жители в годы войны добросовестно трудились, и старались сделать все возможное для приближения Победы.

После подавления «мандалы» центральные и местные власти попытались несколько облегчить положение коренных народов Севера. Эти меры несколько снизили напряженность. Среди ненцев до сих пор можно услышать рассказы о последней «мандале».

Значительные изменения произошли в XX в. в укладе жизни, хозяйственной деятельности, культуре и быте ненцев. Часть обрядов и обычаев ушла в прошлое, но многое сохранилось до сих пор. Разрушение традиционного уклада жизни ненецкого народа к середине 90-гг. поставило перед ними вопрос не просто о дальнейшем улучшении жизни, а о необходимости сохранения своеобразного уклада как способа сохранения национальной самобытности. Приоритет индустриального развития округа вступил в противоречие с традиционным этноэкологическим приоритетом развития хозяйства ненцев.

За последние три столетия ненцы прошли в составе Российского государства сложный путь развития, преодолели все те же этапы, что и вся страна. За эти годы ненцы не ассимилировались, смогли сохранить свою национальную культуру, язык, многие обычаи и традиции, отрасли хозяйства. Прошлое и настоящее ненцев тесно связано с судьбой всех народов, живущих в Западной Сибири.

Многое из истории ненецкого народа еще ждет своего исследователя, многие события до сих пор кажутся нам непонятными и необъяснимыми, но познание никогда не останавливается, и нас ждет немало открытий.

БИБЛИОГРАФИЯ

Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. Томск, 1999. 222 с.

Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. Учеб. Пособие. Томск, 2000. 246 с.

Петрова В.П. Проблемы сохранения оленеводства как основы жизнедеятельности коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Материалы конференции «Ямальские гуманитарные чтения» «Сохранение и развитие традиционных культур в контексте процессов глобализации». Вып. №2(79). Салехард, 2013. С. 66-69.

Петрушин А.А. Мандала-43 // Тюменские известия. 1990. 23 сентября.

Пиманов А.С. Мандала-43 // Ямальский меридиан, 1997. №2-4.

Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства в 1822-1941 гг.): Сборник документов/Сост. Н.Д. Радченко, М.А. Смирнова. Тюмень, 1994.

Резолюция

III Межрегиональной научно-практической конференции «СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЯМАЛА В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ»

г. Салехард

25 сентября 2014 г.

III Межрегиональная научно-практическая конференция «Страницы истории Ямала в архивных документах», посвященная 80-летию Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа, состоялась на базе Государственного автономного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Культурно-деловой центр». Организаторы конференции: Служба по делам архивов Ямало-Ненецкого автономного округа и Государственное казенное учреждение «Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа». В работе конференции приняли участие более 80 человек, представляющих архивные органы и учреждения Тюменской области и Ямало-Ненецкого автономного округа, представители науки, краеведы, фондообразователи Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа.

Во время конференции заслушано 12 докладов по различной тематике.

Открывая конференцию, Головина Н. П., руководитель службы по делам архивов Ямало-Ненецкого автономного округа, сказала, что вся 80-летняя история Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа посвящена сохранности документального наследия Ямала.

В истории нет мелочей — каждый сохраненный документ становится частицей памяти общества и отдельного человека. Бережно хранимые в суровых условиях Крайнего Севера архивные фонды не только связывают между собой прошлое, настоящее и будущее, но и служат формированию духовных и нравственных ценностей, воспитанию патриотизма у жителей Ямала.

Особый пласт архивных документов Государственного архива автономного округа — это фонды документов личного происхождения, позволяющие наряду с официальными документами дать представление об ушедшем времени, превращающие в объект истории не только крупные социальные и культурные явления, но и судьбы ярких и неординарных людей, внесших весомый вклад в развитие округа. Интерес к данным документам наглядно демонстрирует открытая 24 сентября 2014 года документальная выставка «Страницы истории Ямала в лицах».

Головина Н. П. отметила, что отношение к архивам — это отношение к истории, а значит отношение к современной жизни и ее проблемам. В связи с этим слова благодарности следует сказать Губернатору Ямало-Ненецкого автономного округа Дмитрию Николаевичу Кобылкину за понимание и поддержку по вопросу строительства специализированного здания Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа, решение вопросов хранения документов.

В последнее время значительно активизировалась деятельность Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа в сфере использования архивных документов. Подтверждением тому является увеличение востребованности данной информации органами государственной власти и местного самоуправления, организациями и гражданами. Возросло количество исследователей, работающих с архивными документами в читальном зале Государственного архива автономного округа.

Участники III Межрегиональной научно-практической конференции «Страницы истории Ямала в архивных документах» отметили важность таких встреч в целях обмена опытом и новыми идеями, подтвердили возрастающий интерес к архивному документу, позволяющему всесторонне анализировать исторические события и факты.

По итогам работы III Межрегиональной научно-практической конференции «Страницы истории Ямала в архивных документах» было решено продолжить:

- выявление архивных документов по истории Ямала в федеральных архивах и государственных архивах других субъектов Российской Федерации;
- комплектование Государственного архива автономного округа и муниципальных архивов в автономном округе фондами документов личного происхождения, в том числе коллекций,

– укрепление сотрудничества архивов Ямало-Ненецкого автономного округа с учреждениями образования, культуры, средствами массовой информации, краеведами и общественными организациями,

– проведение мероприятий, посвященных знаменательным историческим датам, с целью формирования у жителей Ямало-Ненецкого автономного округа патриотизма и гражданского сознания, уважительного отношения к истории родного края, развития активной жизненной позиции и преемственности поколений через архивные документы, находящиеся на хранении в архивах Ямало-Ненецкого автономного округа.

Сведения об авторах

1. Головина Наталья Петровна — руководитель службы по делам архивов Ямало-Ненецкого автономного округа, г. Салехард. golovina@arch.gov.yanao.ru
2. Волжанина Елена Александровна — к.и.н., с.н.с. лаборатории антропологии и этнологии, ФГБУН Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень. nyabako@mail.ru
3. Геращенко Ольга Андреевна — ГКУ «Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа», г. Салехард. gosarchiv@ga.gov.yanao.ru
4. Гриценко Вадим Николаевич — писатель, историк—краевед, ООО «Центр археологических исследований», г. Надым. grivna-1958@mail.ru
5. Коклягина Татьяна Юрьевна — директор ГУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске», г. Тобольск. tobarciv@mail.ru
6. Липатова Людмила Федоровна — с.н.с. ГБУ ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского», г. Салехард. mvk-yamal.ru
7. Петрова Валентина Павловна — д.и.н., профессор, ФГОБУ ВПО «ТюмГУ». г. Тюмень. vpetrova2012@mail.ru
8. Рудь Галина Геннадиевна — помощник заместителя Губернатора ЯНАО, г. Салехард.
9. Соломина Лилиана Васильевна — к.и.н., главный специалист службы по делам архивов Ямало-Ненецкого автономного округа, г. Салехард. solomina@arch.gov.yanao.ru
10. Тарасова Ольга Петровна — директор ГБУТО «Государственный архив Тюменской области», г. Тюмень. tumen_arhiv@mail.ru
11. Фиголь Наталия Валериевна — заместитель Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа, руководитель аппарата Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа, г. Салехард.
12. Харючи Галина Павловна — к.и.н., заведующий отделом этнографии ГКУ «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард. haryuchi-yamal@yandex.ru

Содержание:

<i>Н.П. Головина</i> ЭТО ПОЧЕТНАЯ МИССИЯ АРХИВИСТОВ	3
<i>Е.А. Волжанина</i> МЕТОДЫ И ПРОГРАММА РАБОТ СЕВЕРНЫХ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.....	6
<i>О.А. Геращенко</i> ИСТОРИЯ ЯМАЛА В СУДЬБАХ ЛИЧНЫХ.....	11
<i>В. Н. Грищенко</i> ЖИЗНЬ ОХРАННИКОВ И ВОЛЬНОНАЕМНЫХ В ПРОТОКОЛАХ ПАРТИЙНЫХ И КОМСО- МОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ 501	15
<i>Т.Ю. Коклягина</i> СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЯМАЛА ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В Г. ТОБОЛЬСКЕ	21
<i>Л.Ф. Липатова</i> СОТРУДНИЧЕСТВО ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО ОКРУЖНОГО МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНОГО КОМПЛЕКСА ИМ. И.С. ШЕМАНОВСКОГО С ГОСУДАРСТВЕННЫМ АРХИВОМ ЯМАЛО- НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА	27
<i>В.П. Петрова</i> ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЯМАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	31
<i>Л.В. Соломина</i> ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ ОКРУЖНОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТ- ЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.....	36
<i>О.П. Тарасова</i> ДОКУМЕНТЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЯМАЛА 70-80ГГ. XX ВЕКА В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	41
<i>Н.В. Фиголь, Г.Г. Рудь</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ЯМАЛЕ	46
<i>Г.П. Харючи</i> НЕНЦЫ В ИСТОРИИ ЯМАЛА	55
РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ	60
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	62
СОДЕРЖАНИЕ	63

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Издание Ямало-Ненецкого автономного округа
ВЫПУСК № 3(84)
2014 г.

Государственное казённое учреждение
Ямало-Ненецкого автономного округа
«Научный центр изучения Арктики»

Подписано в печать 23.12.2014 г.
Формат 60x90x1/8. Печать офсетная. Усл. печ. листов 16.
Гарнитура «Newton». Заказ 71-4 Тираж 100.
Изготовлено ЗАО «СПЭЙБ» Тел. (34922) 38-38-5
г. Салехард, ул. Комсомольская, 38Б.